

№2
Февраль 2023

РУССКИЙ КЛУБ

**Олег Мchedlishvili и Дмитрий Спорышев в спектакле
Тбилисского русского театра им. А.С. Грибоедова
«Эмигранты» по пьесе С. Мрожека**

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№2⁽²⁰⁸⁾
Февраль 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 **ОТ А ДО Я**
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 **КАК ДАЛЬШЕ БЕЗ ТЕБЯ, БУБА?**
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
- 8 **РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ**
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 12 **ДИАЛОГИ С КНЯЗЕМ**
НИКИТОЙ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ
- 17 **ВЫСТОЯЛИ И ПОБЕДИЛИ**
БОРИС ШАХНАЗАРОВ
- 20 **«ПАПА, Я НАУЧИЛСЯ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ...»**
НЕЛЛИ СКОГОРЕВА
- 25 **ДЛЯ МУЗЫКИ РОЖДЕННЫЙ В ТИФЛИСЕ**
- 26 **«НА СЦЕНЕ МЫ ВЫПЛЕСКИВАЕМ НАШИ ЖЕЛАНИЯ,
КОМПЛЕКСЫ, ЧУВСТВА!»**
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 30 **ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ**
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 36 **В МИРЕ КУКОЛ И ЛЮДЕЙ**
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 39 **«ИМЯ «КОРОЛЯ ФУТБОЛА» НОШУ С ЕГО СОГЛАСИЯ»**
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 42 **СЛОВО МАСТЕРА**
- 43 **НЕИЗВЕСТНАЯ ФОТОГРАФИЯ ПИРОСМАНИ?**
ХАННА ПЕНМАН
- 46 **«БРОСКИ ЕГО БЫЛИ КРАСИВЫ И РАСЧЕТЛИВЫ...»**
ВЛАДИМИР ТАВАДЗЕ
- 49 **ШЕДЕВРЫ РИМСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ**
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 53 **КНИГА О ХУДОЖНИКЕ**

На обложке – **ЗИМА В ТБИЛИСИ**
Фото **Серго Эдишерашвили**

ОТ ДО

Роб АВАДЯЕВ

ГОЛОС, РОЖДЕННЫЙ В ЭПОХУ БУРЬ

Исполняется 150 лет со дня рождения Федора Ивановича Шаляпина. Его голос мы можем услышать на сохранившихся старинных шипящих грампластинках, а его актерскую игру – увидеть в фильмах тридцатых годов прошлого века.

Он был человеком, рожденным в эпоху революционных бурь. Но к великим потрясениям великий актер и певец Федор Иванович был, как ни удивительно, совершенно не причастен. Каким-то особым тембром своего баса не отличался – был ближе к баритону, не в пример другим певцам, которые обладали громовым глубоким профундо. Но артистом Шаляпин был легендарным. Говорят, его драматический талант отличался такой силой и яркостью, что признанные театральные трагики вроде Мамонта Дальского или Ивана Москвина считали себя много ниже этого народного самородка.

Характер Шаляпина – это характер творческой природы с обо-

стренной нервной системой. «Он был, – вспоминала его дочь Ирина, – подозрителен и доверчив, бесконечно добр и страшно вспыльчив. Впрочем, он быстро отходил, готов был признать свои ошибки, страшно мучился, если кого-либо незаслуженно обижал, и примирению радовался, как ребенок... но не любил никакой помпы, сторонился торгашей, купцов, не любил он и так называемое «высшее общество». Его тянуло к передовой интеллигенции того времени; к людям искусства, к писателям, художникам, артистам». В ближний круг Шаляпина входило немало блестящих людей той щедрой на таланты эпохи – Горький, Бунин, Телешов, Леонид Андреев, Гиляровский, Репин... А еще он был невероятно добр и щедр. С почитателями – прост и доступен, без высокомерия. Только просил не «качать», то есть не подбрасывать в восторге вверх, – говорил, что его укачивает. В 1928 году на Французской Ривьере был такой случай. Шаляпин отправился на прогулку и увидел, что у его дачи в кювет съехал чей-то автомобиль, а водитель суетится рядом, не зная, что делать. Всемирно известный бас засучил рукава и бросился помогать вытаскивать машину. Собралась восхищенная толпа прохожих – поглядеть на знаменитость. А Шаляпин сердито сказал им по-французски: «Господа, что же вы нам не поможете?» И все сразу бросились дружно толкать авто, извиняясь: «Мы загляделись на вас и совсем забыли, что надо помочь»... Машину, конечно, тотчас же вытащили, а шофер крепко пожал руку певцу и даже подвез его к городу.

Шаляпин был очень остроумен и любил розыгрыши. Как-то на отдыхе в Монте-Карло Федор Иванович встретил своего доброго знакомого, знаменитого итальянского тенора Энрико Карузо. Тоже, к слову, шутника, известного своими веселыми проделками. Оба обрадовались встрече. С Шаляпиным был его секретарь Исай Дворишин, оперный солист, хорист и режиссер, в свое время, к слову, солировавший в Тифлисской опере. Шаляпин представил молодого человека как выдающегося тенора, подающего большие надежды, попросил Карузо прослушать Дворишина и сказать свое мнение. Карузо, разумеется, согласился. И вот наступил назначенный для прослушивания день. Федор Иванович и Карузо расположились в креслах, а Исай, встав у рояля, стал петь арию Риголетто, отчаянно закатывая глаза и прижимая руки к сердцу. Карузо

в недоумении обернулся к Шаляпину, а тот сидел, сосредоточенно слушая и одобрительно кивая головой. И тут Исай, забравшись на верхнюю ноту, пустил такого «петуха», что Карузо от неожиданности подскочил в кресле и замахал руками. «Баста, баста!», – закричал он. А Шаляпин, не выдержав, со смехом бросился обнимать приятеля, прося прощения за жестокую для ушей Карузо шутку. Зато маэстро Энрико отомстил за розыгрыш и нарисовал шарж на Шаляпина.

ПРОДЕЛКИ ЕЩЕ ОДНОГО ГЕНИЯ

В наше время писать о прославленных людях непросто, ведь любой читатель может залезть в интернет и с легкостью отыскать немало информации о любой знаменитости. Поэтому не остается ничего, как вспоминать довольно редкие события и забавные случаи из жизни кумиров прежних лет. Гениальный Энрико Карузо, которому в этом месяце также стукнуло 150 лет со дня рождения, был известным шутником, о чем мы упомянули выше, и, как сейчас говорит молодежь, изрядным троллем. И довольно находчивым. Однажды он гастролировал в Сан-Франциско, и там произошло землетрясение. Много домов рухнуло. Встревоженные друзья примчались к полуразрушенной гостинице, где остановился несравненный гений оперной сцены. У входа их встретил Карузо в халате, с мокрым полотенцем на плече. На их расспросы он всего лишь пожал плечами и сказал: «Я же предупреждал, что если возьму верхнюю ноту, случится непоправимое».

Как и Шаляпин, Карузо был человеком не злым, но шутки у него иногда были рискованными. Вспоминается один его жесткий розыгрыш. В одной опере у него была сцена с известным певцом, где Карузо молча стоял с бокалом вина, а тот, лицом к зрителям, исполнял свою арию. Он пел очень манерно, преувеличенно жестикулируя, что явно не нравилось Карузо. Незадачливый коллега, взяв верхнюю ноту, раскинул руки, в одной из которых держал цилиндр, и Карузо, подумав мгновение, вылил в него содержимое своего огромного бокала. Зрители замерли. Отпел нужную ноту, коллега величавым жестом водрузил цилиндр на голову, облился вином и, под хохот публики, пулей бросился за кулисы. А Карузо, с довольным видом, раскланялся. По-

сле спектакля директор театра сделал Карузо строгое внушение и запретил вливать что-либо в цилиндр коллеги. Карузо клятвенно пообещал, но в следующем же спектакле всыпал в злосчастную шляпу стакан муки. К восторгу зрителей, эффект был пуще прежнего.

К этому воспоминанию мы также прилагаем шарж: так наш Шляпин, в свою очередь, изобразил Карузо. Многосторонне талантливыми были раньше творцы!

ОБ АВТОРЕ ОБЫКНОВЕННЫХ ДЕТЕКТИВОВ

Тринадцатого февраля третьего года прошлого столетия в бельгийском городе Льеже родился один из самых знаменитых мастеров детективного жанра Жорж Сименон. Это был необычайно плодовитый автор, написавший сотни романов под полтора десятками псевдонимов. Его было очень легко переводить на разные языки, настолько простым и понятным был его язык. Французы называют его своим писателем, ведь он писал свои книги по-французски, но сам Сименон считал себя бельгийцем. Он родился в провинциальном городе в семье мелкого служащего страховой компании. Его детство и юность прошли почти в скудности. С самых ранних лет, еще учась в Иезуитском колледже, ему приходилось думать о дополнительном заработке. Жоржу было всего семнадцать лет, когда он стал репортером в «Газетт де Льеж». Он вел рубрику местных происшествий. Добывая новости, Жорж часами бегал по городу, встречался с людьми разных

профессий, возрастов и убеждений. По долгу службы, часто общался с полицейскими и хорошо знал их жизнь. В дальнейшей писательской жизни ему практически не пришлось ничего придумывать, ведь его герои были реальными, живыми и не похожими друг на друга людьми, со своими судьбами. Сжатый размер газетной рубрики не позволял увлекаться красочными отступлениями. Это стало необходимой для будущего писателя школой – он научился писать кратко, честно и без литературных изысков, максимально наполняя текст точными деталями. В неполные двадцать лет Сименон отправился покорять Париж. Но свой первый роман он напишет не сразу, да и то на спор, что сможет писать не хуже авторов популярных у читателей детективов. И его буквально прорвало – Жорж начал «выстреливать» роман за романом под разными псевдонимами и зажил вполне приличной жизнью, женился на известной художнице и даже обзавелся собственной яхтой «Острогот». Зимой 1929 года Жорж Сименон зимовал на ней в порту Делфзейла, маленького городка на севере Голландии. И там написал роман «Петерс Латыш», где и появился впервые его знаменитый герой – комиссар Мегрэ. Позже в городке будет установлен памятник этому литературному герою, а автору мэром будет вручено свидетельство о рождении здесь мудрого сыщика Жюля Жозефа Ансельма Мегрэ. Всего о нем Сименон написал 75 романов и 28 рассказов. Как репортер отдела судебной хроники и полицейских расследований, Сименон понял, что самые страшные преступления происходили не в среде бедноты, где тоже были не ангелы, а среди людей иного достатка и положения – в мире финансистов, дельцов, аристократов и богатых буржуа. «Чем беднее человек, тем он честнее» – этой же позиции будет придерживаться и его герой, полицейский комиссар Мегрэ. А уж он хорошо знал жизнь простых людей. Сименон вложил в его уста такие слова: «Мало найдется в Париже улиц, где я не сбивал каблучков, внимательно глядя по сторонам и постепенно узнавая все ближе уличный люд: попрошаек, шарманщиков и цветочниц, ловких жуликов и карманников, а также проституток и пьяниц-старух, почти каждую ночь попадавших в полицейский участок».

Романы Сименона поразительны и тем, что это вовсе несобытийные, сугубо бытовые картинки из

обычной жизни. И герой у него не был ярким, молодым, шикарным. В простом габардиновом пальто и котелке, с неизменной трубкой в зубах. В романах о Мегрэ нет описаний красивой жизни, любовных историй, красоток, бесконечной пальбы и киношного «экшна», как у Джеймса Бонда. Это озадачивало критиков и продвинутых современников. Как говорил знаменитый мудрый английский писатель Чарльз Перси Сноу, «во многих отношениях Сименон больше похож на великих писателей XIX века, чем кто бы то ни было из ныне живущих... Он

обладает той же свободой и творческим размахом, что и его великий предшественник Бальзак. Ему присущи... поразительный дар передачи атмосферы и чувство места».

Сименона часто спрашивали, когда же он напишет свой большой роман, *opus magnus* – великое обобщающее произведение. Но известный критик Юбер Жюэн назвал творчество Сименона «непрерывным романом», а сам писатель на этот вопрос отвечал: «Мой большой роман – это мозаика из моих маленьких романов».

А еще этот уроженец религиозной льежской семьи говорил: «Я читаю уголовный кодекс и Библию. Библия – жестокая книга. Может быть, самая жестокая, которая когда-либо была написана».

КАК ДАЛЬШЕ БЕЗ ТЕБЯ, БУБА?

■ Николай СВЕНТИЦКИЙ

У Вахтанга Кикабидзе много званий и наград. Народный артист Грузии, Заслуженный артист Украины, лауреат Государственной премии СССР, лауреат Государственной премии Грузии, кавалер Ордена Чести, Ордена Вахтанга Горгасали, Ордена князя Ярослава Мудрого...

Но самое главное его звание – Достояние нации.

К Кикабидзе можно относиться как угодно, но то, что он навсегда останется одним из главных символов Грузии – это точно. Понимаете, есть солнце, воздух, горы,

Фото Юрия Роста

вино. И есть наш Буба. Вахтанг Константинович Кикабидзе.

Для меня Буба прежде всего был близким человеком. Другом. Я знал его с детства. Юность вместе прошла.

А в чем выражается дружба? В поступках. Помню, в январе 2013 года Буба не мог принять участие в нашем концерте к 75-летию Владимира Высоцкого, отказался – тяжело болел гриппом. И вдруг, к моему изумлению, все-таки пришел! И вышел на сцену Грибоедовского, и спел «Песню о друге». С высокой температурой. Потому что обещал. Спустя пять лет мы отмечали 80-летие Высоцкого

большим вечером. И Буба приехал в театр сразу после мучительной процедуры – диализа. И выступил. Разве можно такое забыть?

Он работал почти до последнего дня. У нас в театре, напротив моего кабинета, есть репетиционный зал. Буба приходил постоянно, готовил новые песни, репетировал. Да, он болел. Но, несмотря ни на что, любил жизнь, умел радоваться и делиться радостью! Совсем недавно мы с ним обсуждали, как будем праздновать его 85-летие 19 июля...

А ведь сколько ударов судьбы он перенес в последние

С Николаем Свентицким на сцене Грибоедовского театра

С Юрием Ростом

годы – жену потерял, близких друзей, Россия от него отдалась. Сколько лжи выливали на его седую голову, как подставляли... Ведь его конфликт с Россией высосан из пальца. Ни чужого, ни дармового хлеба Кикабидзе никогда не ел. Мог спеть бесплатно. Очень любил русских и не было концерта, где бы он не пел на русском. Помню, пять лет назад в Батуми на своем юбилейном концерте он со сцены так и сказал: «Поскольку в зале много русских людей, я буду говорить по-русски». И говорил. И пел на грузинском и на русском. Он ведь настоящий тбилисец, а тбилисцы никакой народ не ругают и не делят людей ни по национальности, ни по достатку, ни по статусу. Как дальше без него, не понимаю...

Пройдут годы, много чего исчезнет без следа, а «Не горюй!», «Мимино», «Будь здоров, дорогой!», «Мелодии Верийского квартала», «Мои года – мое богатство», «Вот и все что было», «Чито гврито» – останутся. Останутся! Потому что легенды не бывают временными. Если уж легенда – то навсегда.

Буба Кикабидзе – из этого великого числа.

РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...

Александр ЭБАНОИДЗЕ

Продолжение

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

Недолго мы строили храмы, прокладывали каналы и писали поэмы. Минул «золотой век», и небо над Грузией заволокло тучами. Нашествия одно страшнее другого накатывались на нас. Джелал-эд-дин, Батый, Тамерлан, шах-Аббас... Хорезмийцы, монголы, татары, персы, турки... Как мы только выстояли! Историки считают, что мы легкомысленно отнеслись к первым признакам грозы – появлению на южных границах воинственных хорезмийцев. Дескать, бывлые победы вскружили нам голову... Что ж, возможно, окажись мы дальновидней, крушение не произошло бы так стремительно. Но вряд ли маленький христианский народ мог победоносно противостоять неисчислимым ордам воинственного Востока. Для этого нужен был еще один Давид Строитель. А природа не так щедра: своего Давида мы уже получили.

Пять столетий длилась борьба за выживание. И было это временем разорения и унижения, ни-

щеты и страдания, голода и мора. Одни завоеватели пытались использовать в своих целях доблесть грузинского воинства: много нашей крови пролито от Дербента до Багдада и от Кандагара до Каира. Другие стремились стереть с лица земли не только грузинский народ, но даже наши корни в земле. «Растоптал, согнал с земли, угнал в полон, разорил и опустошил» – эти слова чаще других встречаются в летописи.

Некогда горные хребты затрудняли объединение страны. Теперь горы стали союзниками: когда все средства борьбы бывали исчерпаны, люди покидали города и села и уходили в горы. Там их ждали крепости и башни, леса и пещеры. Укрыв в них детей и женщин, мужчины продолжали войну. «Было б сердце из железа, – поется в старинной песне, – цит сойдет и деревянный»...

Горы сражались вместе с нами, погребая под снежными лавинами и камнепадом обозы и конницу чужеземцев. Враг понял, что на этой земле есть неподвластный ему удел, непреодолимая граница, и отступил. Утешился добычей – цветущими долинами и богатыми городами. А непокорные «гюрджи» пусть мерзнут в своих горах

и мрут там с голоду... И мы мерзли и голодали, собирались с силами и при первой же возможности обрушивались на врага. И гнали его прочь с родной земли.

Но проходило время, и враг возвращался – с новым войском, на свежих конях. Или объявлялся другой – еще более жестокий и ненасытный... Хорезмийцы, монголы, татары, персы, турки... Без конца! Страна, собранная Давидом Строителем, опять стала распадаться на маленькие царства и княжества. Порой удается объединиться для отпора врагу, но чаще распри и гордыня сталкивают феодалов друг с другом. Они всегда могли рассчитывать на помощь завоевателей, не забывавших, как опасна для них единая Грузия. Народная память сохранила имена правителей, ради шкурных интересов предавших интересы родины. Этот бесславный список возглавляет царевич Константин, зарубивший отца и брата и пославший их головы шах-Аббасу. Говорят, даже жестокий шах осудил отцеубийцу.

Много измен помнят наши крепости и города. Не случайно в народе родилась поговорка: «Крепость берут изнутри».

Генрик Гриневский. Деметре II прибывает к монгольскому хану

ГЕРОИ И МУЧЕНИКИ

Но больше имен, овеянных любовью и славой, таких, как Деметре, Кетеван, Элизбар и Бидзина – мученики и святые. А рядом с ними – цари, полководцы, простые крестьяне – отчаянный смельчак по прозвищу Баши Ачуки, семь братьев Херхеулидзе, священник Тэвдоре, девушка из селения Цхнети по имени Майя, и тысячи других, порой безымянных...

...XIII век. Южная Грузия. Кто-то выдал заговор князей против завоевателей-монголов. Заговорщиков схватили и отвезли в ставку к военачальнику-нойону, в древний Ани. Их допрашивали, запугивали, пытали. Ничего не добившись, раздели донага и со связанными за спиной руками посадили на солнцепеке. Много дней продержали их там, мучимых жаждой, облепленных мошкаррой... Случилось так, что один из заговорщиков, Цотне Дадияни, избежал ареста. Он узнал о судьбе сподвижников в своих владениях, далеко от Ани. Недолго раздумывая, Цотне направился в ставку к монголам, взошел на помост, где терзались его друзья, и разделил их участь. Надо отдать должное монгольскому нойону – восхищенный рыцарским благородством князя, он освободил всех...

Тогда же, в XIII веке, жертвой монгольской междоусобицы пал царь Деметре II. Вызванный в Орду, он оказался перед выбором: либо ехать на верную смерть, либо укрыться в горах и начать борьбу. Приближенные советовали царю сохранить жизнь – для своего народа и царства. Но Деметре судил иначе: «Если укроюсь я в горах, монголы разорят страну. Знаю, хан казнит, но может быть, тем спасу страну от

разорения. Ныне решаю ехать, и да свершится воля Всевышнего...» С этими словами отправился царь в Орду, и, хотя ехал он своей волей, в дороге монголы схватили его и повезли под стражей. И на допросах били его палками. А затем двенадцать всадников повезли Деметре к реке и там обезглавили. И пришлось сопровождавшим выкупить обезглавленное тело царя и сговорившись с купцами, везущими рыбу, погрузить на арбу и тайно доставить в Грузию, тайно оплакать и, не воздав царских почестей, предать земле. Но навсегда остался он в памяти народа, нарекшего царя Самопожертвователем.

Вот так – били палками и обезглавливали, удушали в темницах и ослепляли наших царей гордых Багратидов, потомков библейского Давида. Сколько их погибло за пять столетий мрака! Деметре и Георгий, Константин и Луарсаб, Кетевана и Александр... Что же говорить о том, как обходились завоеватели с простым людом!

Так не могло продолжаться пять веков. Порой во тьме пятисотлетней ночи брезжил свет. Как воспрянули мы при Георгии Блестательном и Александре! Не давали свой народ в обиду Баграт V и Луарсаб I. Ни на год, ни на день врагам не удалось поставить на колени народ, клявшийся именем Георгия Победоносца.

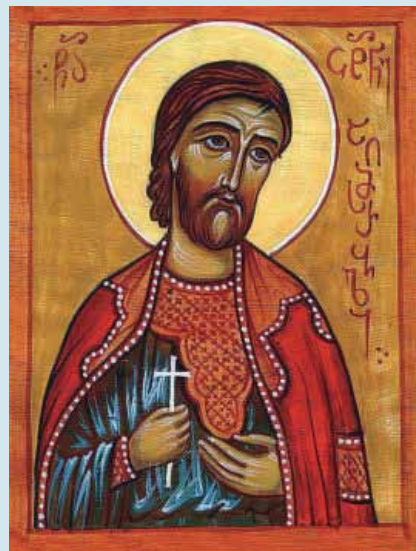
Так дожили мы до XVII века. И тут опять – в который раз! – встал вопрос о нашем существовании: быть Грузии и грузинам, или сгинуть, потеряв веру и обычаи предков, облик и язык – язык Руставели. Страшное время! С одной стороны, нас терзал Иран, с другой – Турция, «гиена» и «рысь», как называет их летописец. И

наши пращурьы разили мечом в одну и другую сторону. Направоналево!.. Без роздыха... Доколе, Господи! Весь народ стал тогда участником кровавой драмы, разыгравшейся на нашей земле. Но главными в ней были трое – шах-Аббас, Георгий Саакадзе и царь Теймураз I.

ВРАГ

Владыка державы, раскинувшейся от Индии до Багада и от Персидского залива до Кавказских гор, Шах-Аббас движением бровей решал судьбу народов и царств. Восточный деспот. Ему ничего не стоило обезглавить незадачливого вельможу и, потыкав палочкой отрубленную голову, насмешливо подивиться: «Смотри-ка, как он холил свои усы...» Власть держится на страхе, – считал шах-Аббас, и необъяснимой жестокостью наводил ужас на подданных. Он вел победоносные войны с афганцами, разорял богатую Индию, собирал дань в тучном Междуречье и укрощал непомерные аппетиты турецкого султана. И только маленькая страна на северо-западе его державы, в предгорьях Кавказа, не давалась ему, торчала как кость поперек горла. Грузины... Племя воинственного святого. Он ли не ценил их доблесть и силу! Личная гвардия шаха большей частью состояла из грузин, и он щедро платил им. А сколько их выдвинулось в военачальники всех степеней и рангов! Самым заслуженным повелителем Ирана отдавал в правление богатейшие области, как, например,

Святой Цотне Дадияни Исповедник

Алекси Вепхвадзе. Георгий Саакадзе

Имам Кули-хану из рода Ундиладзе: тот смелым штурмом взял португальскую крепость на острове Ормуз, открыв иранскому шелку путь в Европу. Шах-Аббас ценил таких людей и, заметив, что широкий и щедрый грузин не уступает ему в расходах, он только дружески пожурил его: «Ты бы хоть на пятак тратил меньше меня...» Шах часто одаривал и обласкивал своего сподвижника, но ни на день не забывал, что Имам Кулихан – Ундиладзе, грузин, сын непокорного племени, кость в горле.

ГЕОРГИЙ СААКАДЗЕ

А знаменитый воевода Георгий Саакадзе! Тот, что возглавил победоносные походы иранского войска в Афганистан, Белуджистан и Индию... Недаром соплеменники зовут его Великий Моурави. Его грозный вид и могучие плечи хоть кого приведут в смятение. Сам шахиншах любит его и гордится, что славе Ирана служит меч богатыря из Ностэ. Оттуда же, из родных краев, привез Моурави свою дружину. «Барсы» – так зовут они себя, и кизилбаши почтительно вторят им – барсы. После очередной победы шах готов был отдать Георгию Саакадзе трон грузинских царей, а в придачу Эрзерум, Ширак и Гянджу. Но что-то в нем настораживало. Он никогда не опускал глаз. Его взгляд был слишком смел и прям. Говорят, только орел может в упор смотреть на солнце. Ничего, покамест он даст волю этому орлу, быстро-

му на поле брани и неповторимому в политике. По донесениям соглядатаев, он частенько принимает гонцов из Грузии. И вряд ли они привозят Моураву только вино родины и послание оставленной там жены. Несомненно, он поддерживает сношения с царями Картли и Кахетии. И не знает орел, что шах в любую минуту может разрушить его планы – вместо одного царя посадить другого. Он простодушен, как дитя, и слишком самоуверен. Пусть тешит себя воинской славой и неосуществимыми планами; надо только не спускать с него глаз...

По слухам, в далеком Каире власть захватили мамелюки и говорят, тоже выходцы из Грузии. А ведь эти мамелюки – всего-навсего белые рабы, пленники, проданные на невольничьих рынках. Их с детства готовили к ратному труду и закаляли, как некогда спартанцев в Греции. Вот и приготовили – на свою голову! Теперь сам султан заискивает перед ними. Сила мамелюков в их неуязвимости – им нечего терять. У них нет даже семей. А шах знает: враг, равно как и друг, должен быть уязвим. Против него нужно иметь верное средство. И он его имеет. Это средство – дети. Наследники. В том числе Саакадзе и Ундиладзе. Они живут при шахском дворе, ни в чем не зная нужды, дружат с многочисленным потомством шаха, упражняются в верховой езде и стихосложении. Вряд ли рай, обещанный их кратким бо-

гом, лучше такой жизни. Они проникаются духом чужой страны, год от года забывают родину и, быть может, со временем, приняв ислам, станут верой и правдой служить солнцу Ирана... Но главное – шаху всегда подвластна их жизнь; их юношески-нежные шеи всегда у него под рукой, и порой, рассеяно поглаживая их, он думает: «Видит Аллах, я не хочу, чтобы ваши отцы изменили мне...» Кто-то считает этих юношей воспитанниками шаха, кто-то – заложниками. Дуракам невдомек, что одним выстрелом можно убить двух зайцев!.. Понимает ли это предводитель «барсов» – Великий Моурави, чей сын Паата вырос в Исфагане? А царь Теймураз – этот неразумно упрямый правитель Кахетии: ведь и у него есть сыновья, прекрасные юноши. Можно ли упрямитесь, будучи их отцом? Право, это неразумно, Теймураз.

ЦАРЬ ТЕЙМУРАЗ

Теймураз I... Быть может, самая трагичная фигура в грузинской истории. В нем нет ни державной мощи шах-Аббаса, ни воинской отваги и удали Великого Моурави. Но есть поразительная твердость и живучесть. Гнется, но не ломается. Легендарная халибская сталь. Его жизнь – это шестьдесят лет неравного противостояния, непрерывных войн в немыслимо трудных условиях, шестьдесят лет упорства, побед и поражений, и

Теймураз I и его жена Хорашан. Эскиз из альбома современного римско-католического миссионера Кристофоро Каstellи

снова борьбы, в которой страшная судьба постигла самых близких и дорогих людей – мать, сыновей, любимого шурина, верного соратника... Его не удалось ни победить, ни сломить. Он намного пережил своего могущественного врага. Казалось, он не мог умереть, не убедившись, что Грузия выстояла.

Вот главные вехи его великого противостояния. В 1606 году Теймураз вступил на престол. В 1614 году шах-Аббас в очередной раз умирляет непокорную Кахетию. Теймураз вынужден укрыться в Западной Грузии. Собравшись с силами и заручившись поддержкой имеретинского царя, он возобновляет войну. Для умирения непокорного шах-Аббас посылает пятнадцатитысячное войско под водительством опытного Али Кули-хана. У Теймураза всего шесть тысяч воинов, но, несмотря на это, он наголову разбивает персов. Сражение произошло в Цицамури, неподалеку от Тбилиси. Узнав о поражении, разгневанный шах-Аббас заставил побежденного полководца целый день ходить по воинскому лагерю в женском платье. Затем он поклялся раз и навсегда разделаться с Грузией – сместь с лица земли ее города, а всех грузин продать в рабство – по абазу за каждого. Шах сам возглавил карательный поход. Персы оставляли за собой развалины и дым пожарищ. Храмы и крепости были порушены, святыни поруганы, сады вырублены, виноградники выкорчеваны. Десятки тысяч юношей и девушек угнаны в плен. Пьяный от крови кизилбаш, подняв руку с двумя абазами, крикнул своему повелителю: «Эй, шах-Аббас, продай мне парочку грузинок!» Шах вспомнил клятву, данную перед походом, и повелел отдать кизилбашу двух самых красивых грузинок – тех самых грузинок, которых многие называли красивейшими женщинами Востока, продавали дешевле скота!

Теймураз опять ушел через Лихские горы в Имеретию. В поисках союзников он направил послов в Москву и в Западную Европу. В ту пору это было долгим и опасным путешествием. Никифор Ирбах (Ирубакидзе) – посланник при папском дворе, писал о нищенской жизни, какую приходилось вести его царю в скитаниях: он питался хлебом и водой и спал на досках. Не получив обнадежи-

Мученица Кетеван. Изразцы. Монастырь Да Граса, Лиссабон

вающего ответа, Теймураз едет в Стамбул к могущественному противнику Ирана – султану и спустя три года в авангарде турецкой армии вступает в Иран. Тогда-то шах вспомнил о царевичах, живших при нем заложниками. Теймуразу недостаточно разорения его царства? Мало того, что в заточении удушен тетивой от лука его шурин Луарсаб? Что ж, шах умеет наказывать суровее и ранить больнее. Для того он и держал под рукой сыновей Теймураза – Левана и Александра. Ему ничего не стоит обезглавить их и послать отрубленные головы в дар непокорному. Лучше всего на Пасху, в день воскрешения кроткого христианского бога. О-о, шах-Аббас знает эту боль – боль отцовского сердца при виде мертвой сыновьей головы; он еще не забыл, как много лет назад приказал обезглавить собственного сына Сефи, обвиненного в заговоре. Ну и что? С годами боль затихла и прошла. Все проходит. И шах-Аббас приказал оскотить царевичей. Но бесчеловечная жестокость не сломала Теймураза. Он стал еще непримиримей. Противостояние продолжалось.

Шах-Аббас старел. Он чувствовал, что недалек день, когда и по его душу явится всемогущая Смерть, и вспомнил слова, вырвавшиеся в минуту душевной смуты: «Налей вина, виночерпий, ибо завтра не будет ни этого вина, ни того, кто пил его...» Поистине, это так... Но неужели властителю

полумира суждено уйти, не одолев какого-то царька, не поставив на колени его малочисленный народец, даже не поняв, что дает им силы. Кроткий бог, рожденный в яслях и распятый на кресте?! Шах-Аббасу хватит ума и твердости доказать, что это не так...

ВЕЛИКОМУЧЕНИЦА КЕТЕВАНА

В его голове рождается жестокий план: кроме сыновей Теймураза в Иране живет его мать – царица Кетеван, известная благочестием и строгостью. Он обратит царицу в ислам и оповестит об этом весь мир. Вести переговоры со стареющей царицей он поручил Имам Кули-хану Ундиладзе – пусть еще раз докажет свою преданность. Ундиладзе как мог отговаривал шаха от безнадёжной затеи, но тот не слушал доводов. Не захочет добром – заставим силой. Его мастера заплочных дел и не с такими справлялись! Они не смогли поставить на колени целый народ, но уж со старухой как-нибудь справятся...

В одном оказался прав шах-Аббас – дальнейшее стало известно всему миру. Царица Кетевана не отреклась от Христа и на глазах у потрясенной толпы была замучена. Мощи великомученицы отвезли в Ватикан миссионеры – свидетели пыток. Они же поведали миру о мученической смерти грузинской царицы.

Шах-Аббас опять потерпел поражение.

ДИАЛОГИ

С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ

В Новый год – вот так мне повезло! – я получил подарок от князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского, бессменного члена Общественного совета нашего журнала и, смею сказать, моего драгоценного друга вот уже более двадцати лет. Князь прислал мне несколько своих книг. В том числе – «Диалоги о Ротшильдах, аристократах, клубе White's, Усаме бен Ладене, алмазах, Лондоне, Париже и о многом другом». Я начал читать «Диалоги...» вечером и закончил к утру. Читал не отрываясь. Просто не мог оторваться. Прочитав, понял, что очень хочу поделиться этим подарком со всеми вами, дорогие читатели. Великодушие Никиты Дмитриевича, как известно, не знает границ, и он разрешил опубликовать «Диалоги» на страницах «Русского клуба». Уверяю, вас ожидает увлекательнейшее чтение. Если честно, я вам даже немного завидую.

Николай Свентицкий

Эта книга состоит из записей наших с Андреем Маруденко бесед. Они касались самых разных аспектов моей жизни, воспоминаний о встречах с людьми, моих оценок событий, описаний примечательных мест и заведений, которые могли бы быть интересны кому-то при посещении Лондона, Парижа, Вены и других замечательных городов. Мы сознательно избегали многих исторических или династических вопросов, которые волновали и волнуют русскую эмиграцию, поскольку по этому поводу было мной многое сказано. Некоторые истории я рассказал впервые, с удовольствием вспоминая те места, где когда-то это происходило. Надеюсь, что текст вас заинтересует, а часть его окажется для вас полезной.

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский

– Никита Дмитриевич, будучи одним из самых ярких представителей русской аристократии, что вы можете сказать о главных качествах, которые характеризуют аристократа?

– Аристократ отличается чувством обязанности перед предками и потомством. Неся ответственность перед ними, нельзя опозорить фамильную честь. Это мотивирует выработку в характере таких качеств, как честность, принципиальность, благородство, верность слову, мужество, справедливость, умение владеть собой. К этому надо добавить такие эстетические качества, как вкус, стиль и шик. Амбиции для аристократа не являются мотивировкой к действию и правилом поведения, что приводит к чувству внутренней свободы, когда нет зависимости от моды на данный момент и внешней оценки.

– Кто, по вашему мнению, в послевоенном мире воплощал собой образец аристократизма из тех, кого вы знали?

– Гарольд Макмиллан. Мы общались в маленьком Лондонском клубе Bucks, неподалеку от аукционного дома Sothebys. Клуб был недалеко от его дома и рядом с местом моей работы. Он пользовался уважением у большинства населения и воплощал все качества аристократа-политика. В Bucks можно было зажигать в столовой сигару в 14 часов. Макмиллан почему-то начинал курить в 13:50. Никто никогда ему не сделал замечание по поводу того, что он раскуривал «гавану»

Морис Гарольд Макмиллан

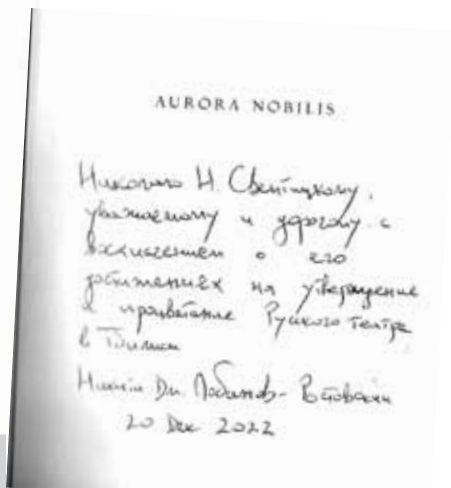
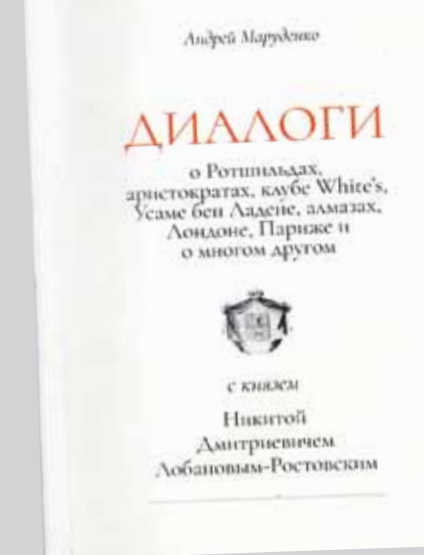
на 10 минут ранее дозволенно. Остался у меня в памяти его афоризм о непредсказуемости завтрашнего политического дня, ибо многие планы нарушаются непредвиденными событиями: Events, my dear, events (События, мой дорогой, события)... Сегодня нет аристократа по рождению или поведению в качестве лидера стран. Популизм или диктатуры не позволяют такой личности попасть на верхушку.

— А на кого, на ваш взгляд, можно равняться сейчас в смысле аристократизма? Есть сейчас аристократические образцы?

— Да, например, до недавнего времени таким был лорд Питер Карингтон — министр иностранных дел при Маргарет Тэтчер. Он подал в отставку из-за того, что не отнесся серьезно к угрозе нападения Аргентины на Мальвинские острова. Страна оказалась не готова к этой войне. Карингтон морально чувствовал свою ошибку и ушел из правительства. Потом он стал главой аукционного дома Christies. Моя бывшая должность в Christies — советник председателя правления по русскому искусству и делам в СССР. Поэтому мне приходилось каждую неделю встречаться с лордом Карингтоном. Прекрасно одетым, в шелковых рубашках, чрезвычайно вежливым, мне с ним было легко и приятно общаться. Встречи длились 10 минут. Он слушал, не перебивая, 5 минут. Затем отвечал 3 минуты. А в оставшиеся 2 минуты допускал реплику. Встречи всегда имели свое заключение: «да» или «нет». Такие образцы есть в каждой стране: в Германии, в Скандинавии, во Франции, в Италии.

— Когда вы сами стали ощущать себя аристократом и частью высшего класса? Титул ведь решающей роли не играет, большинство потомков русских аристократов представляют собой все же средний класс.

— Я стал реально ощущать себя аристократом, когда эмигрировал из Болгарии в 1953 году в Париж. Лакей моего деда, у которого я проживал, ко мне обращался: «Ваше сиятельство». А среди французской аристократии (окружение моего деда и дяди) ко мне обращались: «Cher Prince». Затем в Оксфорде меня звали «князь Лобанов-Ростовский».

Этому именованию способствовало то, что князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский до того, как стал в 1895 году министром иностранных дел Российской империи, служил 4 года послом в Лондоне (1879-1882). И среди интеллигенции Оксфорда об этом знали.

— Поскольку мы затронули тему классового сознания, то интересен вопрос о вашем отношении к людям, которые стоят ниже вас в социальной иерархии. Это отношение менялось у вас в течение жизни?

— Нет, у меня отношение к людям, которых бы я считал классом ниже себя, не менялось. Это по сей день удивляет мою жену Джун, как я свободно и с интересом беседую с лондонскими таксистами — были ли они афганцы, румыны, нигерийцы или ирландцы. У меня с ними общий язык и свобода в общении. Так же и с таксистами в Москве.

— Дистанция в общении, чем она определяется?

— У меня ее нет.

— С кем вы общаетесь в жизни?

— С друзьями, с которыми сошелся в школе и университете, в социальных кругах общества в Европе, с друзьями обеих супруг, с тем, с кем разделяю общие интересы по искусству и с бывшими коллегами по работе.

— Никита Дмитриевич, вы отметили вкус как свойство аристократа. Как проявляется вкус в бытовых вопросах? Что такое гардероб аристократа?

— Это элегантность, предполагающая изысканность в одежде, которая у мужчин характеризуется хорошим кроєм, чистотой линий, качеством ткани, строгостью стиля, где все элементы одежды сочетаются, тщательно подобра-

ны друг к другу. Элегантный мужчина не должен быть замечен. Только те, которые причастны хорошему вкусу, видят джентльмена.

— Я помню ваши замечательные ботинки, которым 50 лет, и они в прекрасном состоянии.

— В Англии пословица гласит, что джентльмена узнают по ботинкам.

— Я заметил, что в Лондоне сразу бросают взгляд на ботинки. У человека при встрече мгновенно опускается взгляд на обувь, а потом уже он говорит «здравствуйте».

— Да, вы правы.

— Как можно понять, что ботинки сделаны на заказ?

— По внешнему аспекту. Ботинки, сделанные по заказу, всегда плотно закрыты в районе шнуровки. То есть, у них нет свободного пространства между зашнурованными частями, берцы плотно пригнаны друг к другу. Таким образом, средняя часть никогда не открыта. Второе и внутреннее отличие. Многие марки обуви, которые продаются в магазинах, шьют ботинки и на заказ. Различить это можно очень просто. Ботинок, сделанный по заказу, имеет внутри эмблему, но на ней не написан размер. В любом другом номере написаны. И второе — внутри, сбоку, написан номер заказчика чернилами от руки.

— Современная мода навязывает ежегодную смену гардероба, вы говорили о свободе аристократа от ее влияний. Как аристократ относится к своим вещам?

— Да, мода не влияет на одежду аристократов. Они придержи-

Клуб White's

ваются принципов, установленных в Англии в конце 19 века, о которых я упоминал выше.

– Недавно в интернете публиковали фото принца Чарльза в одном и том же пальто – 50 лет назад и сейчас, многих это удивило.

– Ничего удивительного. Классический покрой одежды и ботинок не изменился для мужчин за последние сто лет.

– Я знаю вашу строгость в отношении внешнего вида. Прийти на встречу или же в гости без галстука в Европе неприлично. Как внешний вид человека влияет на отношение к нему в аристократических кругах?

– Как в русской поговорке: по одежке встречают, по уму провожают.

– Что для вас роскошь? Нужна ли она в жизни?

– Для меня роскошь – это когда другие делают за меня то, что отнимало бы у меня время. А время – самое ценное, что я пока имею, и приходится жестко с ним распоряжаться. Мне необходимо заставить себя отойти от дел и уделить внимание близким. Роскошь в жизни не нужна, но если уметь ее ценить, то в ее окружении можно себя чувствовать хорошо. С годами роскошное окружение все меньше и меньше влияет на образ жизни. Возрастает желание уменьшить жилье, как говорят в России, жилплощадь, а также количество людей, с которыми общаешься.

– Стоимость гардероба имеет значение?

– Есть английская пословица: «Я слишком беден, чтобы покупать дешевые вещи». Я продолжаю ходить в ботинках, которые мне сделали в Аргентине в 1962 году, и ношу фрак и костюмы, сшитые еще в Оксфорде в 1950-х годах. Как ни странно, я уменьшился в размере с тех пор. Некоторые костюмы начинают на мне висеть.

– Никита Дмитриевич, вы очень много путешествуете. Какой джентльменский набор одежды у вас с собой?

– Один пиджак, одни брюки и один костюм. Иногда я даже в костюме езжу, потому что приходится из аэропорта сразу ехать на мероприятие. Иногда беру с собой одни ботинки – черные, если у меня только официальные встречи. Если есть частные встречи, то я путешествую в коричневых ботинках и везу с собой черные.

– Колодки возите с собой?

– Колодки беру с собой. Они у меня алюминиевые, очень легкие. Очень удобно. К сожалению, в Европе и других странах сервис в отелях не самый лучший, и химчистка работает долго, там нельзя сдать рубашку в 11 вечера и получить ее чистой в 7 утра. Такое было возможно 70 лет тому назад. Чтобы не возить с собой в поездки много сорочек, у меня выработана следующая технология. Покупаю

вечерние водные процедуры, я замачиваю рубашку в теплую воду. Потом намыливаю воротник и рукава и их стираю. Затем полоскаю и полностью мокрую рубашку застегиваю на все пуговицы и вешаю сохнуть на вешалку над ванной. Я для этого вожу с собой в поездки плечики из проволоки, которые очень легкие. Хорошего покроя рубашка на утро выглядит практически отутюженной. Это не относится к моим поездкам в Юго-Восточную Азию – в Гонконг или Сингапур. Там сервис на высоком уровне.

– Ваш стиль как сформирован? В Оксфорде?

– Нет, я думаю в детстве. Мой отец всегда элегантно одевался и старался привить это мне.

– Но все же есть нюансы: цвет, фактура, галстуки.

– Я смотрел, как отец одевался, и это осталось у меня в памяти.

– В целом же у вас английский стиль одежды. Французы, например, иначе одеваются.

– Абсолютно верно. Французы почти не носят двубортные пиджаки, у них другого покроя пиджаки и воротники рубашек. В Англии представители высшего общества часто носят двубортные пиджаки.

– Чем отличается покрой воротника?

– Он менее раскосый и более вытянутый.

– Рубашку с воротником на пуговицах не носите?

– Нет, это американский стиль. Американские рубашки имеют такой воротник на пуговицах потому, что в Нью-Йорке жуткая жара, сопровождаемая высокой влажностью. Поэтому рубашки специально делают из очень тонкой ткани и воротник не может держаться без пуговиц.

– Белые рубашки вы только по торжественным случаям надеваете?

– Да, но это личный выбор. На деловые приемы надеваю рубашку в полоску, а просто так – в клетку.

– Вы мне как-то рассказывали, что можно отличить англичанина от американца по галстуку.

– Официального американца от англичанина отличает направление полоски на галстуке, если галстук в полоску. Последние 150 лет так было. Возьмите, скажем,

трех американских президентов, и вы увидите, что направление полоски на галстуке у них одинаково. Возьмите британских премьеров – скажем, Энтони Идена, и посмотрите направление полосок у них.

– *Никита Дмитриевич, вы член самого закрытого и респектабельного лондонского клуба White's. У него даже нет вывески, в отличие от более открытых и буржуазных клубов с Pall Mall. Как вы туда попали?*

– По заявке нельзя попасть в Уайтс. Кто-то из членов клуба должен сделать рекомендацию. Технически это происходит следующим образом. В библиотеке Уайтс лежит большая книга, в которой инициатор рекомендации вносит предложение на принятие нового члена. Это предложение должно быть подтверждено вторым лицом. За этим идут письменные выражения одобрения или отвержения. Человек может стать новым членом клуба, только если нет ни одного возражения. Предложил меня в Уайтс сэр Иан Ранкин (на сегодняшний день бывший супруг моей жены). Подтвердителем был лорд Джейкоб Ротшильд. Все мы были в Оксфорде членами клуба Буллингдон, и обычно почти все члены потом становятся членами White's или Brooks's или The Turf.

– *Что дает членство в White's в принципе и что оно дало лично вам?*

– В высшем обществе Великобритании оно дает тот же престиж, что и в номенклатуре СССР давало членство в ЦК. Лично мне членство в Уайтс было удобно тем, что этот клуб находился вблизи места моей работы, там я мог вкусно покушать в обеденное время в компании интересных людей.

– *Что в White's делать категорически не принято?*

– Не принято заговаривать с кем-то, кто читает газету в библиотеке.

– *Чем занимаются джентльмены в клубе?*

– Обедают и ужинают, читают газеты, разговаривают о рыбной ловле и охоте (70%), после обеда некоторые играют в настольные игры.

– *Насколько прилично для членов White's, элиты Британии, не отказывать себе в проявлении*

эстетической роскоши? Велики ли количество Роллс-Ройсов на душу члена White's? Или в Британии так же, как и, скажем, во Франции, сильно влияние левых идей и скромности из страха общественного осуждения или в силу других причин?

– Да, лет десять тому назад, когда после 18:30 можно было парковать машины перед White's там никогда не было таких машин. Это считается плохим вкусом, это для нуворишей. Ягуары, Бентли и Роллс-Ройсы иногда имеются в имениях для местного транспорта. Не для Лондона.

– *Меня удивляет вот что. Англичанин ходит всю сознательную жизнь в один клуб, где круглосуточно работает бар, и при этом он способен не разругаться с другими членами клуба через месяц клубной жизни.*

– Дело в том, что в клубах в высшем сословии люди очень мало общаются. Они говорят на светские темы у бара и потом за обедом. Но после этого они пьют кофе, курят сигары, читают газеты и мало общаются. Политику не обсуждают. Говорят обычно на нейтральные темы: спорт, охота и рыбная ловля.

– *Если говорить о том, что французы называют «ля класс», в чем он проявляется?*

– Во внешнем проявлении и поведении. Поэтому Георгий Гогенцоллерн не может соответствовать тому, на что они с его матушкой претендуют, даже если бы он был признан как наследник престола президентом России. Никита Михалков правильно отметил в своей телевизионной передаче эти его внешние признаки, сравнив его с Митрофанушкой.

– *То есть не во всех аристократах по происхождению есть класс?*

– Конечно. И всегда так было, и всегда так будет. Важно поведение и отношение к окружению. Ровное отношение ко всем вокруг. Плюс выраженное эстетическое начало.

– *Есть такое мнение, что аристократ – это белоручка, который своими руками ничего делать не может. Хотя мы знаем примеры русской царской семьи Николая Второго, где дети воспитывались в аскетичной обстановке и сами умели делать многое.*

– Если вы помните, в «Войне и мире» старший Волконский занимался физическим трудом каждый день. В Англии большинство аристократов – помещики. Многие из них в наши дни сами управляют своим имением. Они получают большие субсидии, если занимаются хозяйством сами с целью предохранения природы. Сегодня богатейшие люди, которые владеют десятками тысяч гектар в Соединенном Королевстве, зарабатывают на субсидиях большие деньги.

– *Джун вам сама еду готовит?*

– Да, по крайней мере раз в день. У меня диабет, и Джун готовит мне овощи на пару и прочую диетическую пищу.

– *Вы знакомы с большим количеством людей самых разных. Среди них лорд Джейкоб Ротшильд, с которым, насколько мне известно, вы учились. Есть такая конспирологическая теория, что семья Ротшильдов является одной из наиболее влиятельных в мире и оказывает огромное влияние на ход истории. Почему такое внимание приковано к этой семье? И какое впечатление они производят в жизни?*

– Да, семья Ротшильдов повлияла на ход истории, финансируя войны и заработав на этом огромное состояние. Этот статус семьи снижается с годами. Зато репутация и мифы о Ротшиль-

С супругой Джун

Натаниэль Чарльз Джейкоб Ротшильд, 4-й барон Ротшильд

дах продолжают поддерживать представления об этой семье, как лидерах финансистов. Вот вам пример. В 1964 году я работал в Нью-Йорке в Chemical bank, ныне Morgan Chase. Эвелин Ротшильд, глава семейного банка в Лондоне, организовал синдикат банков на одолжение будущей электростанции Бринко в Канаде на сумму 500 миллионов долларов. Он пришел к нам в банк и обратился ко мне, будучи знакомым по Лондону. Я тогда работал в отделе Европы и поэтому сопровождал его к Дэвиду Митчеллу, вице-президенту, заведующему Канадой. На вопрос Ротшильда, с какой суммой может Chemical участвовать в синдикате, Митчелл ответил – 50 миллионов. Ротшильд на него посмотрел и сказал: «Господин Митчелл, когда мне нужно быстро собрать маленькую сумму, я беру список своих родственников, звоню им и за день получаю деньги. Я не ожидал от вашего крупного банка такого незначительного участия». Да, вот такие беспредельная самоуверенность и экстравагантность, на которых строится миф о могуществе семьи. Сегодня банки, как Goldman Sachs и Morgan, реально влияют на мировые финансовые события, будучи в сотни раз крупнее, чем Ротшильды.

– *Никита Дмитриевич, вообще это довольно странно для члена семьи правителей мира, как представляют Ротшильдов, заходить в банк через вас на вице-президента, а не сразу на владельца или первое лицо. Или он обратился к князю, как классово своему, будучи сам бароном?*

– Да. Эвелин, английский Рот-

шильд, чье богатство составляет 20 миллиардов фунтов, как собственник банка в Англии, считает служащего в любом банке, независимо от ранга, от президента до швейцара, наемными лицами. Они на зарплате и бонусе. Поэтому, придя в банк, он пришел ко мне, как к равному по классу и как к другу. Зная, что я его достойно представлю начальству. Любой человек в России считает Грефа верхушкой финансовой мощи. И это так. Но в мировом банковском сообществе любой банкир вне России предпочел бы общаться с Ротшильдом, зная, что они были, есть и будут, как говорили об Ульянове. А Греф сегодня могуч, а завтра может очутиться в опале. И навсегда забытым, если, как говорят в таких кругах, не соскочит вовремя, как это уже сделал Чубайс. Впечатление Ротшильды оставляют разное, в зависимости от личности, я могу судить только о тех, с которыми знаком. С Джейкобом Ротшильдом мы познакомились в Оксфорде. Там есть клуб Lodgers, который подобен известному клубу Bullingdon. В Lodgers вы можете войти, только если за вас проголосуют все без исключения члены клуба. По случайности вышло так, что в 1958 году только Джейкоб и я оставались его членами. И чтобы клубу выжить, каждый из нас номинировал по 4 человека, которых никто не мог бы оспорить, и таким образом жизнь клуба продолжилась. У Джейкоба великолепная коллекция искусства, в его спальне висит знаменитая синяя султанша Бакста. У меня есть она же в авторском повторе Бакста. В 1980 году Франция национализировала банк Ротшильдов. Глава банка – барон Эли де Ротшильд перекочевал в Лондон с супругой Лилиан. Они нас пригласили на ужин в их особняк на 23 Ормонд Гейт. Пара проводила много времени раздельно. С Эли я не был знаком. Зато Лилиан я знал, бывая на охоте у маркиза де Ганэ, в замке по соседству с усадьбой моего деда Вырубова. А моя тогдашняя жена Нина знала Лилиан по причине коллекционирования ею силуэтов, одним из известных авторов которых был Федор Толстой. Приветствуя нас, Эли обратился ко мне по-русски. На мое удивление он мне объяснил следующее. Будучи француз-

ским офицером, он попал в окружение. В результате был сослан в лагерь для VIP Sachsenhausen. В этом же лагере сидел Яков Джугашвили. Они занимались тем, что Эли учил Якова английскому языку, а Яков учил Эли русскому. Однажды на ужине в Лондоне у лейбористского лорда Гарольда Левера и его супруги Дианы Баши, в его доме на Итон Сквер 86, я оказался за одним из столиков на террасе, где сидели четверо человека. Хозяин – лорд Левер, барон Филипп де Ротшильд, незнакомый мне гость и я. Барон был хозяином качественного вина Мутон Ротшильд. Во время десерта я его попросил ответить мне «да» или «нет» на то, что я ему скажу. Он согласился. Я ему рассказал такую историю, где фигурировал он сам: «Однажды, находясь во время деловой поездки на юге Франции в обеденное время барон заглянул в справочник Мишлен и заметил неподалеку ресторан с одной звездой. Он решил там отобедать. Заказывая, он заметил в меню его вино 1950 года. Барона это удивило, ибо в том году мало бутылок поступило в продажу. Почти все он продал членам семьи из-за очень хорошего качества вина. Из любопытства он заказал бутылку. Официант принес, откупорил и дал ему пробку понюхать. Бутылка, этикетка и пробка – все имели атрибуты его вина. Он понюхал пробку, выпил глоток и сказал официанту, что вино не соответствует этикетке. Разгорелся спор. Барон попросил позвать хозяина. Тот начал его также уверять в подлинности вина. Тогда барон дал ему свою визитку, сказав, что знает вкус своих вин. На этом хозяин сдался. Он рассказал барону, что его брат – собственник виноградника по соседству с Ротшильдами. Их разделяет губернская дорога шириной в три метра. Вот уже 20 лет, как они копируют этикетки и бутылки вина барона. И он первый, кто это заметил – ведь разделяют оба виноградника только 3 метра». На это барон Филипп не ответил мне ни «да», ни «нет» и сказал: «Продолжайте рассказывать эту историю».

Продолжение следует

Дом Павлова после окончания Сталинградской битвы

ВЫСТОЯЛИ И ПОБЕДИЛИ К 80-летию Сталинградской битвы

■ **Борис ШАХНАЗАРОВ**

Сталинградская битва, одно из важнейших и крупнейших генеральных сражений Второй мировой войны, происходила с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года и закончилась победой Красной армии. Эта победа и положила начало «коренному перелому», радикальному изменению сил в ходе войны.

В эти февральские дни, когда мы отмечаем 80-летие великой битвы, хотелось бы рассказать читателям об одной знамена-

тельной встрече в Тбилиси, состоявшейся более полувека тому назад, в мае 1971 года, когда в столицу Грузии приехал Василий Чуйков – Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, с 1942 по 1946 год – командующий 62-й армией (8-й гвардейской армией), особо отличившейся в Сталинградской битве.

По предложению председателя Совета министров Грузии Гиви Джавахишвили в студии Грузин-

ского телевидения состоялась встреча с легендарным военачальником. Ее вел председатель Государственного комитета по телевидению и радиовещанию Грузии Карло Гардапхадзе.

Предлагаем вашему вниманию фрагменты стенограммы того исторического вечера.

– Утром, 13 октября 1942 года, захватив исходные позиции для наступления на Сталинград, гитлеровцы бросились на штурм города. Они прорвали нашу обо-

Василий Чуйков

рону. Основной удар неприятель наносил по 62-й армии в направлении Мамаева кургана, встречные бои не прекращались до конца января 1943 года. Яростные атаки шли за Центральный вокзал, тринадцать раз он переходил из рук в руки. Казалось, все живое должно было погибнуть среди непрекращающихся бомбежек, что человеческие нервы больше не способны выдержать этого адского напряжения. Но мы выдержали. Несмотря на превосходящие силы противника, советские воины, следуя приказу номер 227 «Ни шагу назад!», стояли на своих рубежах. Мы дали клятву, что отстоим Сталинград. Бойцы 62-й армии, перегруппировавшись, приостановили наступление врага и героической обороной обеспечили удержание своих позиций. В городе развернулись бои за каждую улицу, каждый квартал, отдельный дом. В историю Сталинградской эпопеи вошла оборона дома сержанта Я. Павлова.

– *Василий Иванович, расскажите подробнее об обороне этого дома.*

– В 62-ю армию сержант Яков Павлов попал в самый разгар боев – в середине сентября 1942 года. Под прикрытием артиллерии он пробрался в дом. С группой своего отделения обследовал этаж за этажом. Спустились в подвал. Там оказались женщины с детьми, старики, раненые бойцы и санинструктор. Ну, как уйти отсюда? Нет, уходить он не имел права. Отправил донесение

в штаб и попросил подкрепления. Вскоре прибыло пополнение: пулеметный взвод, несколько автоматчиков, бронбойщиков, минометчиков. Командиром этой группы был назначен лейтенант Иван Афанасьев. Четырехэтажное кирпичное здание на площади 9 января представляло собой отличную тактическую позицию, закрывало врагу выход к берегу Волги на этом участке. Тогда на карте комбата 62-й армии капитана Алексея Жукова и появилась отметка – «Дом Павлова». А на личной карте командующего 6-й немецкой армии генерала Паулюса обороняемый дом был отмечен как крепость. Дом действительно стал неприступной крепостью. Гитлеровцы подвергли малочисленный гарнизон сокрушительному артиллерийскому и минометному обстрелу, посылали в атаку танки и пехоту, бомбили с воздуха. Враг не пощадил ни одного квадратного метра земли, превратил дом в развалины, а в нем все еще была жива оборона. Фашисты считали это место заколдованным. Как ни пытались они захватить здание, наткнулись на прочный гранит. Противник не сумел выйти к берегу Волги на этом участке. Это небольшая группа бойцов уничтожила вражеских солдат больше, чем гитлеровцы потеряли при взятии Парижа. В обороне дома участвовали бойцы разных национальностей: русские Яков Павлов, Иван Афанасьев, Илья

Иван Афанасьев

Воронов, грузин Нико Мосиашвили, украинцы Михаил Бондаренко, Алексей Чернышенко, казах Талибай Мурзаев, таджик Мабулат Турдыев, узбек Камолжон Тургунов, татарин Фаизрахман Рамазанов, еврей Идель Хайт и другие воины.

– *С вашим именем связано появление в обороне Сталинграда штурмовой группы...*

– А с ней и новой тактики дей-

Яков Павлов

ствий в ближнем бою. Небольшая по численности группа отличалась пробивной силой. Первыми внезапно врываются в дома, а для перемещения использовали подземные коммуникации, подвалы, проломы в стенах домов. Враг не понимал, когда, а главное, откуда ждать контрудара.

– *Как фронтовая печать освещала боевую деятельность снайперов?*

– Широко. Только в 62-й армии было 400 снайперов. К концу оборонительного периода они уничтожили более шести тысяч гитлеровцев.

– *Когда закончился оборонительный период?*

– 19 ноября 1942 года, измотав врага в оборонительных боях, советские войска перешли в контрнаступление. В первый же день войска Юго-Западного фронта под командованием генерала Ватутина и войска Донского фронта под командованием ге-

Грибоедовцы на Мамаевом кургане

нерала Рокоссовского прорвали оборону противника. 20 ноября перешли в наступление войска Сталинградского фронта под командованием генерала Еременко. Они нанесли удар тремя армиями – 51-й, 57-й и 64-й, которыми командовали генералы Труфанов, Толбухин и Шумилов. А 62-я армия вела сковывающие бои в Сталинграде и готовилась к наступлению.

– Как развивалось контрнаступление?

– 23 ноября передовые соединения Юго-Западного фронта встретились с частями Сталинградского фронта и завершили окружение вражеской группировки: 22 дивизии и 160 отдельных частей 6-й и 4-й танковой армии оказались в железном кольце. В это время воины 62-й армии во всех районах Сталинграда вели активные бои. Их атаки сковали главные силы врага и не позволяли ему вести бой против советских войск, совершавших маневр на окружение. В конце ноября фашистское командование создало сильную армию «Дон» под командованием фельдмаршала Манштейна для выручки войск Паулюса. Попытки группы Манштейна вызволить окруженную армию были отражены 98-й стрелковой дивизией

2-й армии генерала Малиновского. Против войск армии «Дон» также успешно действовала 51-я армия генерала Труфанова. Особенно упорные бои развернулись в районе хутора Верхне-Кумский. Здесь стойко оборонялись воины 1378-го полка подполковника (впоследствии полковника) Михаила Диасамидзе. В течение пяти суток бойцы полка отразили 30 контратак неприятеля, который в ожесточенных боях потерял 94 танка и 12 бронемашин. Примером и образцом для воинов был командир полка: получив четыре ранения, он не покинул поле боя и был госпитализирован после подхода резервных войск. Михаилу Диасамидзе было присвоено звание Героя Советского Союза. 10 января 1943 года советские войска перешли в наступление. Пехота и танки начали штурм вражеских позиций. Отважно действовали бойцы 62-й армии, 21-й армии генерала Чистякова, 65-й армии генерала Батова и других соединений. Кольцо окружения с каждым днем сжималось. Чтобы вдохновить войска, Гитлер присвоил Паулюсу звание фельдмаршала, но было уже поздно – 31 января после разгрома основных сил 6-й армии Паулюс вместе со своим штабом был взят в плен. 2 февраля 1943 года

силами войск Донского фронта крупная вражеская группировка, зажата в железные тиски, была полностью ликвидирована. Над разрушенным фашистами Сталинградом воцарилась тишина...

Нам остается добавить, что за беспримерный массовый героизм и стойкость личного состава в апреле 1943 года 62-я армия была переименована в 8-ю гвардейскую. Вместе с 8-й армией Василий Чуйков дошел до Берлина. Его бойцы умело вели уличные бои, используя опыт штурмовых групп, накопленный в Сталинградской битве. Именно на командном пункте Чуйкова 2 мая 1945 года начальник Берлинского гарнизона Вейдлинг подписал капитуляцию немецких войск и сдался в плен. После победы Чуйков остался в Германии командовать Группой советских войск. Ушел в отставку в 1972 году. Василий Иванович написал завещание, в котором попросил похоронить его на Мамаевом кургане. Последняя воля Чуйкова была выполнена. Этот случай стал первым в истории СССР, когда маршал нашел свой последний приют за пределами Москвы.

«ПАПА, Я НАУЧИЛСЯ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ...»

Нелли СКОГОРЕВА

«Андрюша, Тбилиси – город, куда я должен тебя привезти. Я здесь не первый раз, но и впервые, помню, приехал сюда готовый любить: не потому, что мои друзья – Гия и Буба, Данелия и Кикабидзе, – много рассказывали мне о Тбилиси, просто мне кажется, свою нежность к ним я перенес и на их родину... В этом городе очень остро чувствую и любовь к жизни, и нежность к людям, и, как всегда, меня охватывает желание разделить все это с тобой, сынок. Я не замечаю здесь московской суетности: если люди поют за столом, никто не смотрит на часы, если беседуешь с грузином, видишь, что он готов беседовать с тобой вечно. Вот и пишу тебе письмо на балконе гостиницы «Иверия». Внизу – Кура, сплошной светящейся лентой по набережной бегут машины, кажется, не река быстро несет свои воды, а каменные берега уносят ее. Сегодня мы были в старом городе Мцхета. На высоком крутом склоне над слиянием Куры и Арагви стоит церковь Джвари – древнейшее строение Грузии. Церковь эта в виде креста построена в честь принятия грузинами христианства. Грандиозен храм. Пушкин не мог здесь не написать стихов. Это место поэтов! Обязательно побываем здесь вместе». Евгений Леонов. «Письма сыну».

Наш собеседник – Андрей Леонов, актер театра и кино, телеведущий, заслуженный артист РФ, сын Евгения Леонова.

– Все знают, каким гениальным трагикомическим актером был ваш папа. А каким он был дома?

– Дома ему важна была тишина. Здесь он отдыхал от вечного пристального внимания. Может, поэтому у нас не так уж часто бывали гости. По праздникам – а мы традиционно отмечали 7 ноября, Новый год, дни рождения – вот на этой кухне все и происходило: приезжали актеры Ленкома. Здесь же мы с отцом часто сидели, иногда выпивали по рюмочке, разговаривали. Я ему частенько жаловался на свои неудачи, и он, как никто, умел меня выслушать и успокоить. Кстати, эти посиделки у меня ассоциируются с хорошим грузинским вином. Папа очень любил грузинские вина, например, «Хванчару», которую достать было не очень легко, или «Киндзмараули». Эти вина всегда были у нас на столе. Папа любил такие посиделки со мной, а для меня это теперь самые теплые воспоминания.

– Как вы его называли – папа, отец, батя?

– По имени – Женя. Началось с того, что мама попросила меня называть ее Ванда. Она шутила, что так будет выглядеть моложе. Ну, раз Ванда, то и Женя

– вот и повелось... Очень часто люди вокруг возмущались и смотрели на меня косо: мол, что это за панибратство – называть отца по имени. К сожалению, я только недавно понял: он хотел, чтобы я называл его папой, но деликатно не поправлял меня, никогда не говорил, что ему это не нравится. Папа вообще был миротворцем, всех примирял и, кстати, гасил излишнюю мамину эмоциональность.

– А какой была ваша мама?

– Взрывной, вспыльчивой. Я мог и схлопотать от нее сгоряча. Но ее воспитательного порыва хватало ненадолго. Вот я пришел из школы, принес очередную двойку, мама говорит: «Я выбрасываю железную дорожку, которую тебе вчера подарили». Я плачу, утром иду к мусоропроводу, рыскаю там – нету. Потом оказалось, что мама ее просто спрятала... То есть мама могла меня эмоционально вздернуть, но тут же забыть про это, практически ничего не предприняв. У современных родителей (в том числе, и у нас с женой) другой подход – подтянуть, помочь, нанять репетитора в случае необходимости... Мама, по словам друзей, могла пустить крепкое словцо. Но при мне – никогда, ни в коем случае. Она заразительно смеялась, ее смех звенел от театра до Тверской улицы. А еще она была хорошей хозяйкой. Готовила божественно!

Недавно мы были в Екатеринбурге на гастролях, я заказал пельмени и заплакал, потому что вкус был из детства – как у мамы. Попросил у повара рецепт, но что такое рецепт? Тут руки нужны, душа. А какие пироги у мамы были! Я все это умею, правда, не так вкусно получается, но я знаю, к чему надо стремиться. Вот вы отказались от щей, которые я приготовил, а напрасно... Мне пока трудно говорить про маму, не привык к прошедшему времени... Папа, безусловно, любил ее всю жизнь. Всегда старался порадовать. Друзья вспоминают, как на гастролях в Ленинграде они шли по Невскому проспекту, рядом с ними ехала театральная машина, но папа не садился: он упорно выбирал миноги для

Андрей и Евгений Леоновы

мамы, она их любила. Зайдет в один магазин, попробует – нет, не то, в другой – опять не то, и так до победы, пока не нашел такие, какие ей нравились.

– Актер Владимир Коренев вспоминал, что никогда не видел Леонова отдыхающим. Дома было то же самое?

– Отец говорил, что девяносто процентов успеха актера – это работа над ролью дома. У меня в памяти он – вот здесь, за столом, с текстом, что-то чиркает. И курит. Он ведь много курил. Не помню, чтобы он лежал. Это я могу прикорнуть после обеда, а он все время двигался. Хлопотун был.

– Кажется, по характеру Евгений Павлович был похож на Сарафанова из фильма «Старший сын» – такой же добрый и наивный?

– Да, незащищенный по-детски. Не мог ответить, если обижали, не умел никого поставить на место. Никогда не делал замечаний никому, кроме меня. Иногда на сцене шептал мне между репликами: «Громче говори, не спи!» Или: «Зубы мне не вышиби!» – это когда я к нему темпераментно подлетал. Знаете, у отца никогда не было тяжелого взгляда. Вот мне в школе не давалась математика. К нам приезжал папин старший брат, инженер в КБ Туполева, и смотрел на меня уничтожающе. Помню, я мямлю что-то, а дядя смотрит так, что жить не хочется

– мол, ничего из тебя не выйдет. А в папином взгляде всегда читалась надежда. Он ведь был по-настоящему добрым и чувствительным человеком.

Вот, например, такая история. К нам в дверь позвонила женщина с ребенком и попросила денег. Папы дома не оказалось. Я подумал, что она аферистка и отправил ее... Папа, узнав об этом, очень расстроился: «Как ты мог так поступить?»... Знаете, я очень много рассказывал об отце. А недавно подумал, что все время забывал упомянуть об одном очень важном его качестве – он умел слушать. С возрастом я стал понимать, как важно, когда тебя слушают, когда в глазах видишь отклик и получаешь реальную помощь. Отец находил для этого силы и энергию, несмотря на то, что и занятой был очень, и иногда плохо себя чувствовал... Георгий Данелия вспоминал, как отправился в больницу навестить родственника (дело было в Тбилиси, там снимали «Не горюй!»), и папа пошел с ним. Пациенты, увидев Леонова, расцвели на глазах. И врач попросил папу пройти по всем палатам и поговорить с больными – настолько у него была положительная энергетика.

– А вы сами бывали в Грузии?

– В 1987 году «Ленком» приехал в Тбилиси на гастроли. Гастроли были долгими, мне хватило времени осмотреться

Евгений Леонов и Георгий Данелия

и полюбить Грузию. Тбилисская публика принимала нас очень тепло. Каждый день был праздником – череда банкетов, экскурсий, интересных встреч... Мне вообще в жизни везло на встречи. Когда-то на премьере фильма «Покаяние» я познакомился с Тенгизом Абуладзе, с его сыном Гией, женой Гии – Наной Джанелидзе, тоже знаменитым режиссером, соавтором «Покаяния», и их дочерью Кетино. Горжусь этим знакомством. Мы до сих созваниваемся. А было время, когда много общались – они часто приезжали в Москву, и папа с ними всегда с удовольствием встречался. Я на всю жизнь запомнил прекрасные тосты, которые говорил Тенгиз Евгеньевич. Так получилось, что в трагический момент ухода папы они оказались рядом. Папа умер 29 января, а на следующее утро пришли Нана с Кетино, поскольку мы договаривались о встрече. И на пороге узнали о смерти папы... Позже я не раз ездил в гости к Гие и Нане, и они даже возили меня на дачу, где тогда жил Тенгиз Евгеньевич. Кстати, надо сказать, что все мамы сиделки были из Грузии и стали близкими людьми для меня. Я очень благодарен всем, кто помогал моей маме в тяжелые моменты болезни. Мечтаю когда-нибудь снова попасть в Грузию – в том числе и для того, чтобы их обнять. Кто-то живет в Тбилиси, кто-то в Батуми, и я знаю, что мне всегда рады. Так что мне есть куда поехать в Грузии.

– Говорят, что комики в быту не шутят...

– Отец обладал потрясающим чувством юмора. Марк Захаров вспоминал, как он, встре-

тив Леонова перед спектаклем (а папа тогда только-только пришел в театр), так и вперился в него взглядом – стоял, молчал и внимательно, долго на него смотрел. А папа говорит: «Извини, я тебя перебею – мне надо на сцену». Или, помню, мы были в Воронеже на гастролях, и папу поселили в обкомовской гостинице, в огромном номере. Мы пришли и не можем его найти. Вдруг откуда-то слышим: «Иди на голос, сынок!» Так мы его и нашли. Еще история: однажды за мной пришли друзья звать на гулянку, папа окинул их взглядом и грустно напутствовал: «Сынок, береги пиписку!»

– Да, эти истории тоже стали знаменитыми – не меньше, чем роли Евгения Павловича. Это ли не доказательство огромной народной любви? А как ваш папа пользовался своей славой?

– Он пользовался ею для других – мог войти в кабинет высокого начальства и попросить для кого-то квартиру, место в больнице и тому подобное. В то же время его узнавали на рынке в любом городе и давали все продукты бесплатно. Захаров как-то сказал: «Столько съесть, сколько заработало это лицо, невозможно». При этом отец был очень щепетильным и придерживался строго правила: ни в коем случае не занимать – ни у друзей, ни у государства. Мол, накопим – купим. Не любил просить. В театре была машина с водителем, ею пользовались все, но только не отец! Помню, однажды на гастролях экскурсионный автобус не приехал забрать актеров, все были недовольны, и я тоже стал возмущаться: «Что такое, где автобус?» А он мне: «Ну, все говорят – пусть говорят, а ты почему повторяешь? У тебя что, денег нет? На – возьми! Поезжай на такси и не надо ни от кого зависеть».

Папа часто был недоволен самим собой. На экране на себя смотреть не любил. Помню, по телевизору показывали «Донскую повесть», он сел рядом и говорит: «Сейчас я бы по-другому сыграл». Вечно копался в себе, сомневался. Спрашивал после спектакля осветителя, например: «Как се-

годня финал? Мне показалось или что-то не то?» Проигрывал роли с друзьями по телефону, рассказывал им: «Вот эту сцену хочу так сыграть». И наедине с собой отец постоянно вел какую-то внутреннюю работу. Недаром он написал в своей книге «Письма сыну»: «У меня есть санитарные дни – думаю, правильно ли я все делаю?»

– Андрей, отношения между людьми со временем претерпевают изменения. Как менялись ваши взаимоотношения с папой?

– Сначала он не очень активно участвовал в моей жизни. Папа ведь часто уезжал на гастроли – надо было зарабатывать деньги для семьи, мама не работала. Однажды вернулся домой после долгих гастролей, мне было лет пять, и... я его не узнал. Он говорит: «Привет, сынок!». А я посмотрел и продолжил играть со своими игрушками. Отец очень расстроился. Я это хорошо помню. Позже был период, когда я стеснялся ходить с ним – мне не нравилось пристальное внимание: «Ах, какой у вас мальчик, как похож на вас...» Это создавало ощущение несвободы. Поэтому на улице я старался идти позади папы, метрах в пяти. Он спрашивал: «Что ты отстаешь?» А мне неловко было сказать: «Иди так, будто я не с тобой». Мне так хотелось стать незаметным, что я даже не любил новые вещи. Помню, лет в 14 мне купили новую куртку, и мы пошли на стадион «Лужники», там наши играли со шведами. Куртка так сверкала, что мне казалось – все на меня смотрят, хотя смотрели, конечно, на папу. Я потому так хорошо это

«Не горюй!»

запомнил, что ощущение страшной неловкости снадало меня всю дорогу... Порой отцовская опека казалась мне чрезмерной. Даже пришлось убежать от этого – в армию. Но и тут отцовская любовь настигла. Несмотря на мои запреты, он, не имея опыта вождения зимой, приезжал меня навестить. Однажды даже прислал вырезку из газеты об «опасности гололеда на трассах».

– *Став артистом, не боялись, что вас будут сравнивать с великим отцом?*

– Да я вообще долго не воспринимал его как актера! Все стало меняться, когда поступал в институт. Мне потребовалась помощь. Я стал снисходительно у отца спрашивать: «Ну, как я читаю?». Он делал замечания, я раздражался: «Все, хватит, ничего не буду делать!». А потом опять к нему шел... Постепенно стеснительность проходила, ведь папа был любящим и мудрым. Уже в институте он даже моим друзьям помогал делать разбор текста. Он же ученик Яншина, а тот – ученик Станиславского. Постепенно папа становился для меня авторитетом в профессии. При этом у меня были совсем другие кумиры – Проскурин, Збруев, Караченцов и другие выдающиеся артисты. И когда мы с папой очутились в одном спектакле «Вор», и он мне что-то стал подсказывать, я снова обижался. Если бы мне посторонние делали замечания, я бы адекватно реагировал. На самом деле мне тогда не хватало фантазии, хотелось только повторять за кем-то, копировать. Я мечтал о роли Сальникова в спектакле «В списках не значился», которую играл Виктор Проскурин. Но Марк Захаров сказал мне: «Не надо начинать карьеру с ролей, звездно сыгранных другими актерами». И он был прав. На сцене я недостаточно хорошо себя показывал, Захаров был недоволен.

Актерство – профессия зависимая, в ней хорошо, когда все получается, а если нет – появляется неверие в себя... Я говорил папе: «Все, ухожу из театра!» А он отвечал: «Успокойся, сынок, это марафон, надо потерпеть». И потихонечку направлял меня,

успокаивал. Однажды после спектакля «Женитьба Фигаро», где я играл Керубино, спросил его: «Ну как?» И услышал в ответ: «Хорошо, сынок, я так смеялся!» – «Есть замечания?» – «Нет замечаний, мне все понравилось». Я был счастлив! Отец был страшно важным человеком в моей жизни. И все же недаром в «Письмах сыну» есть такая пронзительная фраза: «Люби меня, как я тебя». Папу обожала вся страна, а ему не хватало любви близких – такой, какая ему была нужна... Да, мир так устроен. Дети – эгоисты. После папиной смерти у меня остались сплошные сожаления. Сейчас я понимаю, что время упущено: лишний раз не поговорил с отцом, не сказал, как он мне дорог.

– *В «Поминальной молитве» герой Леонова говорит: «Господи, я никогда не обращался к тебе и даже не прислушивался». А как было в жизни?*

– Именно так. Внутренне, наверное, он всегда был настоящим христианином – пусть и не крестился, и не ходил в церковь. Главное, он соблюдал все заповеди – не обижал, не мстил, не злился, маму любил, меня любил. Однажды я при нем про кого-то сказал: «Вот дурак!», а он меня осадил: «Нельзя так говорить, это неуважительно по отношению к человеку». Я бы никогда не назвал отца святым. Но он был целомудренный, чистый человек. Не любил сальные анекдоты – стеснялся. Я никогда не видел его пьяным или в похмелье. Разве что – немного навеселе...

– *А плачущим видели?*

– Слезу смахнуть, от фильма растрогаться – это он мог. Но так-то при мне держался. Однажды, когда мне было 13 лет, мы все были в Нарве на съемках фильма «Гонщики». И вдруг они с мамой уехали на три дня, ничего не сказав. Оказалось, умерла бабушка, папина мама. На перроне я их встретил и заплакал, а папа держался – не хотел меня травмировать.

– *Вы, кажется, были в ссоре, когда у папы случился инфаркт?*

– Как это обычно бывает в

«Совсем пропащий»

семьях, конфликт возник на ровном месте. И мы поехали в Германию на гастроли, не разговаривая друг с другом. Обычная семейная ссора, которую я не могу простить себе до сих пор. Но когда он свалился с инфарктом, какие могут быть ссоры? Я испугался за него. Ситуация стрессовая, все уехали в другой город, я остался, языка не знаю, прихожу в больницу – он в трубках, не реагирует ни на что. Несколько дней я ночевал на лавке в реанимации... Вообще, все, что произошло в Германии, было настоящим чудом.

Инфаркт случился прямо в больнице – на пороге кабинета, где ему делали рентген. Если бы это произошло на улице, отца не успели бы подключить к аппарату искусственного дыхания. И если бы случилось в России – тоже не спасли бы. Потом Чазов сказал, что у нас такие операции на сердце только-только начинали делать... А в Германии посчастливилось встретиться с врачом-экспериментатором. Он сказал: «Если не сделать операцию завтра, то точно – все. А так – один шанс из тысячи есть. Так что будьте готовы к худшему». Мы все время до операции говорили с отцом, иногда я даже пел, чтобы он слышал родной язык и наши голоса... А Захаров в это время, собрав всех актеров до спектакля «Юнона и Авось», попросил помолиться за Леонова. Все свпало, и чудо свершилось. Отец смог встать уже на второй день

На сцене Ленкома

после операции.

– Правда, что потом в Риге какая-то зрительница сказала ему, что после такой операции живут только пять лет?

– Правда. Он, как актер, эмоционально все воспринимал, и эти «пять лет» в голове отпечатались, он даже говорил об этом. После инфаркта все очень изменилось. Врач сказал – сидите дома, а отец не мог, он скисал. И потом, он не выполнял врачебные рекомендации – позволял себе вкусенькое. Не курил, правда. Но главное – он понимал, что жизнь прошла. Причиной не только здоровье, но и время. Настало не его время, страна изменилась. Ему больше не звонили каждый день, как раньше. Отцу вообще не сильно нравилось то, что происходило в 90-е годы... Надо было снова поехать в Германию, показаться врачам, но не получилось, мы не успели. Последнее папино лето провели в Крыму...

– Вы теперь в Ленкоме играете его роль – Тевье в «Поминальной молитве».

– Вначале я отказался – мне казалось, что это будет пародия на легендарный спектакль. Потом я сказал режиссеру Саше Лазареву, что могу попробовать, но только по-своему, так, как меня папа учил – каждую фразу на себя переключивать. Первые спектакли шли тяжело, у меня даже давление подскакивало из-за того, что я не мог усмирить свое волнение. Но с каждым разом чувствую себя

увереннее. Вот сейчас я специально небритый, мне это помогает в роли Тевье. Надеюсь, папа бы мною гордился – хотя бы потому, что я взял на себя такую ответственность. Спектакль пользуется большим успехом, последний вообще прошел на «ура». Я так радуюсь, когда билетерши говорят: «В зале так рыдали! Так смеялись!»

– Сейчас вы востребованы, у вас молодая красивая жена, трое детей. Жизнь удалась?

– Моя жена Настя раньше работала продюсером на телевидении. Она очень профессионально ведет все мои дела. Детей воспитывает, следит за их успеваемостью. Сын Миша похож на дедушку. Они с сестрой Аней снялись в сериале Киры Мещеряковой «Слепая». Но Миша технарь по мозгам, собирает сложные модели машин с мотором. А вот Аня прекрасно чувствует себя на сцене. Недавно вышла читать стихотворение, первое слово было «встаньте». Она так убедительно это сказала, что все встали. Иногда ловлю себя на том, что в разговоре с детьми повторяю папины интонации, так же занудливо их воспитываю, но только более жестко, в командном, приказном стиле. Это у меня мамино, наверное.

Сложнее всего было со старшим сыном. Ему уже 35 лет. Когда мы с его мамой развелись, они уехали к ее родителям в Швецию, Женя рос там, а я его брал только на лето. Как-то он приехал в Москву, и мне не понравился клочок красных во-

лос на его голове. Я ему это высказал, естественно. Женя позвонил маме и говорит: «Хочу домой, не хочу с папой», а она в ответ: «Сами выясняйте свои отношения». Очень мудро поступила. В результате мы с Женей друг к другу притерлись, и у нас хорошие отношения. Сейчас он уже женился, у меня внук родился, зовут Мио. Мне нравится, что сын делает как актер. Просто мы, к сожалению, далеко друг от друга. И уже три года – с тех пор, как началась пандемия,

«Слезы капали»

я его не видел. Все это мне напоминает мои собственные отношения с отцом...

– Интересно, а папа вам снится?

– Очень редко. После папы я в 33 года покрестился, и все у меня стало по-другому. Я благодарен папе за все, что он мне оставил. Все, что я сегодня имею, – это благодаря ему. Прежде всего – духовное. Но и земное тоже – квартира, дача. Даже то, что я осмелился сыграть главную роль в «Поминальной молитве», – только благодаря папе и его терпению, учению. Я и сейчас чувствую его поддержку. Вот он пишет в последнем письме: «Я как дуб, раскинувший ветви над тобой». Так и есть.

– Что бы вы сказали отцу сегодня?

– У нас все хорошо, папа. От чего ты защищал меня, из-за чего беспокоился – все рассосалось. И, кажется, я все-таки научился любить тебя так, как ты хотел...

Федор Шаляпин в Тифлисе

ДЛЯ МУЗЫКИ РОЖДЕННЫЙ В ТИФЛИСЕ

Вряд ли Тбилиси кому-нибудь подарил судьбоносных встреч больше, чем 19-летнему Федору Шаляпину, полуголодным вышедшему из бакинского поезда в начале 1892 года. До того, как оказаться в грузинской столице, парень колесил по России с различными труппами, перебиваясь мизерными гонорарами и жалованием хориста, попадая в сложные жизненные переплеты. Из Тифлиса бывший певец-неудачник Федя уехал оперным басом-профессионалом Федором Ивановичем. «Чудодейственным оказался для меня этот город», — скажет спустя годы великий Шаляпин.

В Тифлисе оказались артисты, с которыми Федор уже выступал раньше, они приводят его в оперную труппу, которую набирает некий «офицер Ключарев». Начинаются выступления в городах Грузии. Шаляпин поет в «Норме», «Жидовке», «Фаусте». Вернувшись в Тифлис, он не может найти никакой работы и решает покончить с собой. Спасает его знакомый по Баку хорист. Он приютил парня, и Федор стал выступать в любительских спектаклях, развлекая посетителей ресторана в небольшом саду. По совету кутивших там служащих управления Закавказской железной дороги, он становится писцом в бухгалтерии «железки».

Но канцелярская рутина не может радовать того, кто уже познал запах кулис и сладость аплодисментов. Получив из Казани приглашение на вторые роли в

опере, Федор решает уехать, но вдруг вспоминает, как сослуживцы, хвалившие его голос, советовали поучиться у профессора пения Усатова. И снова судьбоносные встречи — с бывшим солистом Большого театра Дмитрием Усатовым и главой Тифлисского отделения Русского музыкального общества, меценатом Константином Алихановым. При всем уважении к нынешним меценатам, признаемся, что не так уж часто можно слышать признание, равное шаляпинскому: «Все это было совершенно сказочно. Один человек будет бесплатно учить меня, другой мне же станет платить за это деньги!»

Им восхищаются многие, круг его общения и выступлений стремительно расширяется. Усатов периодически проводит концерты своих учеников, и уже через несколько месяцев Федор изве-

стен всему городу. Он становится другом известного мецената Егора Питоева, тифлисских композиторов, а «Элегия» Генария Корганова до конца жизни входит в его репертуар. Он ходит во все театры, на симфонические концерты, сам много выступает, становится членом «Тифлисского музыкального кружка», который в городе называют «Кружком Аршакуни». Там ему устанавливают ежемесячную стипендию в 15 рублей, он с удовольствием поет и в зимнем помещении этого кружка на Грибоедовской улице, и в летнем — на Михайловском проспекте.

28 сентября 1893 года — дебют на главной тифлисской сцене, в Казенном театре, в «Аиде». А всего через пять месяцев уже объявляется бенефис Шаляпина. Вскоре после этого певец собирался в Москву, с рекомендательными письмами Усатова. С октября 1893-го по февраль 1894-го он выступил в столице Грузии в 62-х спектаклях! И в речи на прощальном обеде подчеркнул, что навсегда остался бы никому не известным хористом, если бы не Тифлис. Второй раз он появляется здесь в 1910-м, уже признанным великим артистом. Поет в «Фаусте, с огромным успехом дает концерт.

Проходит еще пять лет, и Федор Иванович получает в Петербурге письмо от поддерживавшего его в Тифлисе музыковеда Василия Корганова: столица Грузии ждет певца, чтобы отметить 25-летие его артистической деятельности. И не просто ждет, а дает ему звание Почетного гражданина! Конечно же, Шаляпин приезжает, дает концерты, и на пиру в знаменитом верийском саду «Эдем», столь не похожем на тот сад, в котором когда-то работал долговязый Федя, со слезами произносит знаменитые слова: «Я рожден дважды: для жизни — в Казани, для музыки — в Тифлисе».

Казалось бы, добавить к этому нечего... Но мы все-таки добавим. Когда в Ялте умер Дмитрий Усатов, и его вдове стало трудно с деньгами, Шаляпин до самой ее смерти помогал ей материально. Обязательно перепроверяя, сделан ли перевод.

С семьей

«НА СЦЕНЕ МЫ ВЫПЛЕСКИВАЕМ НАШИ ЖЕЛАНИЯ, КОМПЛЕКСЫ, ЧУВСТВА!»

— Инна БЕЗИРГАНОВА

Роль дяди Вани в премьерном спектакле Ники Чикваидзе он считает подарком к своему пятидесятилетию. Предложение молодого режиссера сыграть чеховского героя стало для Михаила Арджеванидзе в чем-то неожиданным. Как и для его поклонников. И актеру предстояло сломать сложившиеся стереотипы, доказать себе и другим, что ему подвластен не только гротеск, но и другие жанры, другая стилистика актерского существования. И во многом Мише это удалось. В странном, искривленном, шатком мире — пространстве спектакля Ники Чикваидзе (художник Лиза Чичинадзе), таящем тревогу и угрозу и отражающем психологическое, душевное состояние персонажей, с шатающейся рамой входной двери, с наклонной плоскостью, на которой невозможно удержаться, с по(д)вешенным стулом, с компьютером без экрана, с неприкаянными, грешными героями, вызывающими у зрителей сложное чувство между состраданием и отторжением (в ролях Ирина Квицинадзе, Карина Кения, София Ломджария, Нина Калато-

зишвили, Арчил Бараташвили, Владимир Новосардов), его дядя Ваня кажется особенно нелепым и одиноким.

— 50 лет для любого человека — это определенный рубеж, когда происходит переоценка ценностей. Миша, что происходит сегодня с вами?

— Какие-то вещи мне стали неинтересны. Хочется делать что-то новое, по-другому, двигаться вперед. Изменилась и моя психология, она требует чего-то нового. Например, раньше я просто обожал играть в детских спектаклях, сейчас меня это не очень привлекает. Предпочитаю работать со сложным материалом, в котором нужно серьезно покопаться, что-то найти, осознать.

— Иногда приходится слышать, что актерская профессия — дело молодых, что с возрастом меняется не только психология артиста, но даже его артикуляция.

— Я не думаю, что актерство — дело молодых. Театр без старшего поколения для меня — не театр. То, что несут старшие, до поры до времени недоступно тем, кто моложе. А взрослые уже

не могут делать того, что подвластно младшим. Да и в театре разные возрастные роли... Человек лет 50 ощущает, что значит этот возраст. Не только болячки появляются, но меняется твое отношение к окружающей реальности, восприятие мира. К каким-то вещам начинаешь относиться проще, а что-то становится для тебя более важным. И ты способен лучше понять персонаж твоего возраста.

— И, возможно, с возрастом чаще задумываешься о смерти? Как говорится, *memento mori!*

— Вот об этом никогда не думаю. Горьких мыслей я себе вообще не позволяю. Надо жить, чтобы жить. Никто не знает, когда придет его последний час. Это может произойти и в молодом возрасте. Но, повторюсь, я на эти темы никогда не размышляю.

— Существует театральное понятие — Актер Актерыч. Так говорят об артисте, который преуспел в своем деле и преисполнен чувства собственного достоинства, так сказать, *забронзовел*. Как этого избежать?

— В моем возрасте забронзоветь уже невозможно. Подобное может произойти в молодости, когда актер рано стал успешным и процветающим. В эти годы слава иначе воспринимается и иногда действительно портит человека. Говорят, актер должен пройти огонь, воду и медные трубы. Но почти никто не выдерживает испытания медными трубами. Это самое трудное испытание! А в моем возрасте к успеху по-другому относишься. Ты понимаешь, что медные трубы — ничто! Важнее твоей личной жизни, семьи нет ничего...

— Позвольте не поверить! Уверена, профессия для вас очень важна.

— Нет, нет и еще раз нет! Для меня нет ничего важнее моей семьи.

— А если вы будете поставлены перед выбором: в интересах семьи пожертвовать профессией и займись чем-нибудь другим?

— Ничем другим я заняться не смогу. Это уже наркотик. Но свою семью я ни на что не променяю. Если буду поставлен перед таким выбором, выберу родных. Извините, это уже на уровне инстинкта. Но если выбор будет другой... Однажды мне предло-

жили большой заработок, огромную прибыль. Но при этом нужно было уйти из театра. Я отказался. Это было для меня чересчур. Я могу, конечно, подрабатывать на стороне, но оторваться от театра для меня стало бы настоящей катастрофой! Я просто потеряю смысл жизни, если займусь чем-то другим.

– Поэтому я и не понимаю молодых, которые отказываются от актерской профессии из-за небольшой зарплаты и посвящают себя более прибыльному делу. Но зачем-то они ведь шли в артисты, а перед этим учились четыре года в театральном вузе!

– Может быть, почувствовали вкус денег и возможность позволить себе много чего? От этого трудно отказаться, но не в моем возрасте. Когда ты стоишь на перепутье в молодости – это одно, а сейчас для меня уход из театра равносильен смерти.

– Режиссер Андрей Кончаловский недавно рассказывал об Инне Чуриковой – великой актрисе, о том, как она безумно, как девочка, нервничала на съемочной площадке. А вы испытываете сильное волнение перед выходом на сцену?

– Это очень здорово, когда ты испытываешь подобные ощущения, стресс. Повышается адреналин, и ты выходишь на сцену наполненный какой-то сумасшедшей энергетикой. Иннокентий Смоктуновский говорил, что если он перестанет волноваться перед спектаклем, то уйдет из театра. И я его прекрасно понимаю.

– Но такой постоянный стресс, возможно, укорачивает жизнь.

– А может, удлиняет? Я не знаю. Фаина Георгиевна Раневская со своими многочисленными болезнями прожила долгую жизнь. И она не исключение – таких примеров немало. И потом – да, перед выходом ты испытываешь стресс, но на сцене вдруг начинаешь ощущать необыкновенное удовольствие. Не знаю, что это такое...

– И в какой работе такое чувство у вас особенно сильно?

– Есть спектакли, в которых удовольствие не до конца, в других – до конца. Я ведь играю и небольшие роли, и от них иногда тоже получаю огромную радость. Люблю две свои сцены в спектакле Авто «Механический

апельсин», эти симпатичные моменты мне очень дороги. В Свободном театре я сейчас выхожу в спектакле «Продавец дождя» Н. Ричарда Нэша в роли фермера Карри. Сначала было очень трудно, потому что я был введен в эту постановку. И есть там какие-то кусочки, в которых я испытываю невероятное наслаждение. Я играю человека, который верит во все светлое. К нему в дом приходит некто и предлагает купить дождь, а мой герой верит мошеннику и сразу платит за «товар». Карри верит и в то, что его некрасивая дочь выйдет однажды замуж. Так и происходит – причем дочь становится женой того, кого любит. То есть Карри искренне верит в счастье, в то, что оно возможно.

– А вы в это верите?

– Да, я тоже в это верю.

– Вы всегда говорили о своем оптимистическом отношении к жизни, к человеку. Разочарование не наступило?

– Да... Тем более, что наступили тяжелые времена.

– ...в которые человек проявляет себя не самым лучшим образом?

– Иногда друзья перестают быть друзьями. Это были очень близкие мне люди, и я пережил большой стресс. До сих пор не понимаю, в чем дело...

– Вам тяжело терять друзей?

– Конечно. Но вот говорят, что, если к концу жизни останется хотя бы один друг, это уже хорошо. У меня, конечно, есть друзья, которых я очень люблю. Априори они мои – и все. Но на эту тему

«Мастер и Маргарита»

вообще трудно говорить.

– Вы довольны, как у вас складывается карьера, или изначально немного по-другому представляли свой путь?

– Конечно, я представлял свое будущее по-другому. И это скажет вам любой актер. Даже самый популярный и успешный. И у него какая-то нехватка обязательно будет. Но мне очень интересно заниматься тем, чем занимаюсь. Во-первых, я работаю с Авто Варсимашвили. Он знает актера и подталкивает его в нужную сторону: «Сделай это, сделай!» И таким образом помогает раскрыться. У Авто такая особая манера работы с актером, что возникает ощущение – все понятно! Он знает, кому что сказать. Сейчас режиссер ввел меня на роль короля Эдуарда в спектакле Свободного театра «Ричард III» Шекспира. У меня там одна сцена, очень интересная. Не могу сказать, что я ее сделал до конца – это ввод. Но я очень люблю этот спектакль – в нем такая классная атмосфера, и я получаю невероятную радость... Как и от участия в спектакле театра Грибоедова «Шинель» Гоголя. А еще раньше – от роли Яичницы в «Женитьбе». Так что я как-то судьбой не обделен...

– А сейчас для вас наступил период анализировать и размышлять... над «Дядей Ваней». Кто только из знаменитостей не играл роль Войницкого! И кто только не ставил эту пьесу Чехова – драматурга, к произведениям которого, наряду с драматургией Шекспира, наиболее часто обращаются

«Шинель»

режиссеры всего мира.

— Когда Ника Чикваидзе предложил мне эту роль, я воспринял это как большой подарок к моему пятидесятилетию. Потому что это очень серьезная работа. И дядя Ваня в чем-то похож на меня... даже своей самоотверженностью. Правда, жертвует он собой не ради своей семьи, а ради совершенно чужого ему и абсолютно пустого человека. Кто такой Серебряков? Никто... Ника — очень молодой режиссер, тридцать лет ему исполнилось во время репетиций. А «Дядя Ваня» — пьеса труднейшая! И я скажу вам, что Ника не ставил спектакль — он его вышивал. У меня было полное ощущение, что он вышивает спектакль!

— А как он «вышивал» ваш образ?

— Это был очень интересный процесс. Естественно, я с ним спорил. Ника хотел видеть на сцене более мягкого человека. И по ходу работы все время говорил мне: «Мягче, мягче!»

— Он видел в вашем персонаже излишнюю жесткость?

— Сцена с Серебряковым, сообщающим о своем намерении продать имение, следует сразу за эпизодом, когда Войницкий застаёт Елену с Астровым. Тогда дядя Ваня сдержал эмоции, а в знаменитой сцене с профессором у него появляется возможность выплеснуть все

накопившееся, сказать наконец Серебрякову правду — что он пишет об искусстве, ни черта в нем не понимая. И здесь быть мягче мне трудно, но я стараюсь! В пьесе Чехова важнее всего момент острого осознания: дядя Ваня в один момент открывает для себя, что он в жизни сделал и не сделал, чему себя реально посвятил. Для меня имеет значение то, что Войницкий труженик, хозяин, он не развалил, сохранил хозяйство. Как я его видел, так и сделал.

— Но в спектакле показан бессмысленный труд, бессмысленные действия героев, создающих впечатление псевдосозидания.

— Я бы не сказал... Действие происходит в столярной мастерской. Она появилась потому, что Астров все время говорит о гибнущих лесах. А мастерская — это место, где... режут леса. Но хозяйство Войницкого при этом не расстроено, все на месте. И когда герои трудятся, они это делают всерьез.

— Тем не менее на сцене все так нестабильно, шатко.

— Потому что вся эта мишура не лечит душу. Сколько домов существует, где люди живут в роскоши, а в душе — полная пустота. Все криво и косо. В самом человеке все криво и косо. Все — несчастны. У Чехова нет счастливых людей, ведь он творил в период, когда разваливалась империя. Но при этом у него везде одна мысль: работать, работать, работать. Нужно работать. Надо себя делом занимать, и это самое главное.

— Дядя Ваня говорит о себе: «Пропала жизнь». У каждого из нас есть какие-то сожаления, что-то не сделано, не сбылось. Вы интересный, яркий актер широкого диапазона, и могли бы, возможно, больше сниматься в кино, выйти за пределы своей страны...

— Я попал в плохое время. Окончил институт в 90-е годы. Была разруха, кризис во всех сферах жизни. Люди пытались спасти себя. Помню, в театральный институт и поступать-то не хотели, были недоборы. Интерес к театру в тот период значительно снизился.

— Вы попали в «щель времени».

— Да, именно. Известные, уже чего-то добившиеся актеры про-

должали работать, а вот новое поколение... В самые лучшие, молодые годы до 30 лет я не попал в ту струю, когда можно было много работать, учиться у мастеров, которые рядом с тобой. В театр Грибоедова, к классному режиссеру Авто Варсимашвили я попал уже после тридцати. Я-то работал до этого с режиссером Гией Кития, но это был детский театр. Пусть и хороший, с очень приятной атмосферой. Но он уже не мог существовать. И, попав в эту «щель времени», как вы точно выразились, очень трудно добиться всего, чего хочешь.

— Уже первые ваши роли в театре Грибоедова довольно значительные — Кот Бегемот из «Мастера и Маргариты», Булгакова, Подсекальников из «Самоубийцы» Эрдмана...

— Подсекальников — это была первая роль. Не скажу, что значительная. Пьеса-то хорошая, но я остался недоволен собой. Не был готов к этой роли. Может быть, сейчас сделал бы ее лучше.

— Сегодня вы сделали серьезный шаг от гротеска к иронии, драме.

— В самой постановке есть этот момент. Для меня было полной неожиданностью, когда во время моего появления на сцене с желтыми розами, предна-

«Женитьба»

«Нахлебник»

значенными Елене Андреевне, в зале раздаётся смех...

– Водевильная ситуация – он с цветами, а она с другим мужчиной.

– Но таких водевильных ситуаций и в жизни полным-полно.

– Вы довольны результатом, или в роли дяди Вани вам еще нужно что-то доработать?

– Да, мне еще нужно что-то достроить, завершить. Да я и не помню случая, чтобы до конца чем-нибудь был доволен.

– Дядя Ваня стал для вас подарком. А какое предложение сейчас обрадовало бы вас?

– Да все что угодно! Сейчас мне предложили в Свободном театре роль, которую я даже не ожидал – Папуна в спектакле «Вчерашние» Шалвы Дадиани. На грузинском материале, грузинской сцене мне тоже интересно работать.

– Мне кажется, вы могли бы сегодня сыграть что-то очень жесткое, может быть, страшное.

– Может быть, может быть. Потому что это тоже живет в каждом из нас. Вы знаете, чем хороша наша профессия? На сцене мы выплескиваем наши комплексы, нереализованные желания, глубоко запрятанные чувства. Может быть, жесткость во мне, мягком от природы человеке, где-то тоже есть. И это все здорово выразить, показать в какой-нибудь роли. Одно знаю: мне сегодня неинтересно играть каких-нибудь примитивных, элементарных персонажей.

– Одна из ваших несомнен-

«Дядя Ваня»

ных удач – тургеневский «Нахлебник». Тоже жертва обстоятельств.

– Кузовкин оказался в них случайно. Есть в спектакле очень интересные, любимые мной моменты. Например, монолог героя, в котором он рассказывает о любимой женщине. И плоде своей любви – дочери... Это то, что осталось! Пьеса не столь пессимистична, потому что есть дочь. И это намного важнее собственной жизни Кузовкина, потому что он никто, он – нахлебник. Так сложились обстоятельства. Дочь обеспечена, счастлива, и он может просто уйти, чтобы не мешать ее счастью.

– Дядя Ваня в финале спектакля тоже уходит, не остается вместе с Соней.

– В нашем финале есть намек на гибель героя, самоубийство. Подвешенный стул... Для Серебрякова все останется по-прежнему, потому что Соня будет продолжать посылать ему деньги. А дядя Ваня не может больше жить по-старому, для него все кончено. Он даже не смог убить того, кто отнял его жизнь. И понял, что вообще ни на что не способен. Удивлен: совершил покушение, а его никто не арестовывает. Войницкий хочет поменять свою жизнь хотя бы таким образом, даже пойти на каторгу, но... и это не дано. Но он не будет больше работать как вол на чужого ему человека. Имение принадлежит Соне, но дядя Ваня не на нее трудится – они оба работают на Серебрякова. Зачем и

почему, непонятно.

– А как относитесь к своему странному персонажу в бунинских «Аллеях любви»?

– Я говорю своим партнерам по спектаклю: вы все играете главные роли, а я один – массовку. Проживаю этот образ в тишине. Тихий-тихий образ, который за всеми наблюдает и как будто знает больше, чем остальные. Они что-то думают, а он знает. И ему точно известен какой-то результат – в то время как другие любят, страдают, пытаются быть счастливыми...

– А он и наблюдатель, и болельщик.

– Не совсем болельщик... потому что он спокойно относится к тому, что происходит.

– Но ведь за героиню Нины Кикачеишвили Олю из новеллы «В Париже» ваш герой переживает.

– Не совсем, ведь он прекрасно знает, что ее любовь ненадолго. Оля вырывает маленький кусочек счастья, у всех в спектакле маленький кусочек счастья, но в итоге все кончается несчастьем.

– А ваш герой счастлив?

– Он просто сторонний наблюдатель.

– Философ?

– Скорее всего.

– Вам нужно сыграть Сократа.

– Нет, это лучше лет в 60...

Возраст актера дает ему иногда больше возможностей. Например, играть мудрецов. Зритель должен верить в то, что ты говоришь...

Герб князей Андроникашвили

совладельца восьми крупных компаний, председателя правления частного коммерческого банка, действительного тайного советника Константина Вахтера, негласного «короля огнеупорных и кислотоупорных изделий» всей России. Естественно, небогатый князь не устраивает магната в качестве зятя. Взаимная любовь молодых настолько не одобряется, что им запрещают встречаться наедине, разрешают видеться лишь в присутствии родственников или на светских приемах.

В 1914 году Яссе взрослеет, что называется, на глазах. На его восприятие мира влияют два события. Во-первых, начало Первой мировой войны. Он потрясен: «Это страшный бич для жизни страны, который так неумолимо гнетет воюющие народы. Время неудержимо движется вперед и медленно обескровливает народное благосостояние. Моральное состояние подавленное. Надо всеми висит ужасное слово – война. Оно замерло на всех устах. Оно сквозит ужасом во всех взглядах». Во-вторых, на каникулах он работает наблюдателем за ремонтом южного форта близ Батума и видит, как полицейского убивают лишь за то, что он сделал замечание пьяным людям – не петь под гармошку похабные частушки. И Яссе делает вывод: народ уже пошел вразнос, как только оказалось, что начались война и смута.

Он продолжает настойчиво

ухаживать за своей дамой сердца. Из ее длинного лютеранского имени Елена-Ольга-Мария-Агата создает уменьшительное Лили и почти каждый день пишет письма. Адресуя их «Ея Превосходительству Елене Константиновне Вахтер». Да еще меняет образ жизни: перестает бывать в свете, вечера проводит дома за чтением, заявляя, что так ему «уютно и хорошо».

И осенью 1915 года казначей Царскосельского скакового и Санкт-Петербургского общества рысистого бега, купец первой гильдии, получивший дворянство, Константин Вахтер снисходит до разговора с Андроникашвили «о будущей жизни» своей дочери. Вместе с согласием на венчание выделяются 12 тысяч рублей – дабы жили скромно и Яссе не говорил «что дорвался до вахтеровских денег». Свадьба и впрямь была скромной, настолько, что современники отмечали: «У жениха не было денег даже на обручальное кольцо и подарок невесте».

В 1916-м – три важных события. Яссе оканчивает университет, становится отцом и призывается в армию. Полк, в котором он служит, отправляется на румынский фронт и сразу вступает в тяжелые бои. Но молодого князя потрясает другое – румыны отнюдь не видят в русской армии защитницу:

«Теперь мы защищаем румын. Они к нам относятся отвратно. Описать все ужасы невозможно. Скажу только, что румынской армии не существует, есть какие-то банды без офицеров, без винтовок, голодные и холодные, находящиеся в паническом бегстве. Хуже всего – отношение большинства населения к русским войскам. Нас здесь встречают хуже всяких врагов. Врагов хоть бояться, а нас просто откровенно ненавидят. Нас не пускают ночевать в дома, не продают нам хлеб и овес, и даже снимают веревки с колодцев, так что нередко нам приходится проводить сутки без питьевой воды».

В начале 1917 года Яссе ранен во время штурма австрийского бастиона, награжден Георгиевским крестом 4-ой степени и эвакуирован в Петроград. Но отсиживаться в тылу он не желает

– успеваешь поступить в Пажеский корпус. В этом привилегированном военно-учебном заведении, выпускники которого составляли основу гвардейского офицерства и генералитета, был последний – ускоренный выпуск. Андроникашвили производится в прапорщики, но на фронт не попадает – армия уже развалена.

С принявшей православие женой Еленой и сыном Константином он уезжает на родину, а в 1919-м отправляется с грузинским паспортом в Новороссийск, занятый белыми. И там он вступает в Добровольческую армию. Участвует в напряженных боях с большевиками и пишет домой: «У нас страшный недостаток офицеров, невозможно смениться по целым суткам, условия невероятные, продуктов нет абсолютно никаких. Переходы в тридцать верст ежедневно».

Потом – ранение в плечо и эвакуация в Феодосию, куда приезжает и его семья. Но Яссе отправляют для дополнительного лечения в Кисловодск. А Елена, оставшаяся в портовом городе, после нескольких поражений белой армии не выдерживает

Саломе Андроникашвили

Яссе в царской армии

ожидания и в феврале 1920-го поднимается вместе с сыном на борт американского миноносца, отправляющегося в Константинополь. Оттуда они переберутся в Париж, и их связь с Яссе прервется навсегда.

Князь снова возвращается в Грузию, живет с матерью и сестрой Марией, работает юристом. А потом применяет свои военные навыки в противостоянии с Красной армией, вторгшейся в независимую Грузию. Когда Советская Россия одерживает верх, Андроникашвили вместе с другими ее противниками отправляется в Батуми, чтобы отплыть в эмиграцию. Он уже находится на борту парохода, когда в порту появляются полномочные представители большевистского правительства. Они уговаривают отплывающих не покидать Грузию, уверяя, что никаких репрессий не будет.

Яссе – среди тех, кто поверил этим обещаниям. Но дома он не проводит и одной ночи – за ним приходят под утро, и в апреле 1921 года он оказывается в Метехской тюрьме. Княжеское про-

исхождение, белогвардейский штаб-ротмистр, офицер грузинской армии – этого вполне достаточно, чтобы не просто оказаться за решеткой, но и стать к стенке. На душе у него тяжело, и он записывает в дневнике (да-да, тогда еще допускалась такая вольность, непредставимая в 1930-х) слова, практически пророческие для его последующей судьбы:

«Сейчас глубокая, мертвая тишина, как-то не верится, что в тюрьме восемьсот человек. Как будто все они затаили дыхание и в смертном страхе ждут чего-то страшного. Тут, в одиночной камере, я понял, что такое ветер. Я знаю теперь, что он – какая-то мистическая сила. Он убивает во мне все живое и мертвит весь невидимый мир. Я слышу, как сметается мелкой пылью все созданное человеком и обращается в прах. А тишина, идущая по пятам за ним – жуткое и не менее властное – это смерть. Я не хочу стать пылью, но буду. Я боюсь ветра. Мне страшно, что никого нет, и никто не придет. Ветер уносит, я умираю. Боже, как тяжело умирать одиноким».

К счастью, тогда до строгого приговора дело не доходит, через 7 месяцев его освобождают. «Подсуетилась» его тетушка, вспомнившая, как в царское время прятала у себя в поместье большевика, который стал теперь членом правительства. И тот, в благодарность за прошлое, помогает бывшему офицеру выйти на свободу. Надо сказать, что имя этого благодетеля так и осталось неизвестным для нас – в семье Андроникашвили на эту тему наложили табу.

Но вышедшего на свободу Яссе лишают права на работу в Грузии, и в 1922-м он отправляется в Москву. Там он становится актером, а потом и режиссером в театральной студии, которой суждено стать Театром рабочей молодежи. Сегодня это знаменитый «Ленком». А еще в том же году два театральных вуза объединяют в один. Институт музыкальной драмы и Высшие театральные мастерские Вс. Мейерхольда превращаются в сохранившийся до наших дней ГИТИС (Государственный институт театрального искусства). Яссе получает в нем постоянное место преподавателя современ-

ного танца и пластики. Он ютится в сыром подвале, питается плохо и нерегулярно, не гнушается принимать в подарок поношенные вещи. А о моральном состоянии можно судить хотя бы по одному из писем, отправленных матери:

«Грустное и острое ощущение страдания – когда окружающее общество начинает тебя травить. Чувствуешь свист улюлюканья этой травли. Не знаю, есть ли что хуже того, что я переживаю сейчас. Вообще жизнь эта сводится к тому, чтобы организованно сделать всем вместе и каждому в отдельности наибольшее количество неприятностей, путем доведения всякого рода лишений до предела. Я чувствую все больше и больше какую-то душевную усталость. Общая ситуация такова, что на каждом шагу надо разбивать стену враждебности и недоверия из-за моего «происхождения», что выматывает душу. Я остро ощущаю свою отчужденность и одиночество, когда день за днем приходится вести борьбу за право работать – и каких усилий стоит упорством и напряжением рассеивать социальные предрассудки, созданные революцией! В этом

Я. Андроникашвили у белых

Яссе в Ташкенте

бесправном положении никакой прочности нет и зачастую приходится все начинать сначала».

Но на театральную судьбу он не жалуется – она дает поездки по всей стране, в своем театре он находит вторую жену, актрису Нину Кинд. Он ставит пьесы, пишет стихи... А в апреле 1926-го – еще один арест, на этот раз по обвинению в «контрреволюционных связях с сотрудниками иностранных миссий». Есть данные, что конкретно его обвиняли в связях с антисоветскими настроенными масонами. Так ли это, точно не известно, но в Тобольский политический изолятор он все-таки угодил. Правда, доказать выдвинутые против него обвинения не удалось, и через 11 дней Коллегия ОГПУ принимает решение отпустить Андроникашвили на свободу.

Он снова странствует с театром по стране, снова пишет стихи. Но беда в том, что не только пишет, но и читает их всюду и всем. А стихи – не просто сатирические, они откровенно антисоветские. Взглянем, хотя бы на название одного из них – «Верхом на Ильиче». Ясно, что вольнодумец с его биографией не может не оказаться в поле зрения «органов». И наступает момент, когда за вольнодумство приходится расплачиваться.

Приехав в Тифлис к матери и сестре в 1932 году, Яссе встречается с известным французским журналистом и театральным критиком Люсьеном Вожелем. Тот привез из Парижа письмо от

сестры Саломе. И хотя француз известен как друг Советского Союза и с большим почетом принят в Грузии, встреча с ним инкриминируется Яссе как преступление. А конкретно – предъявляется обвинение в шпионаже. В октябре 1932-го звучит приговор: 10 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей).

Поначалу его отправляют в Узбекистан. Несколько месяцев в Ташкенте, потом – хлопковый совхоз «Нарпа» в Самаркандской области, с осени 1935-го – «Балхашстрой», строительство медеплавильного комбината. О том, в каких условиях работает эта «стройка социализма», сами его руководители напоминают в докладной записке московскому начальству: «Имейте в виду: Балхашстрой находится в совершенно пустынной местности, на расстоянии пятисот верст от жилых мест, условия жизни и работы здесь исключительно тяжелые».

Но и там князь-вольнодумец не может остепениться, продолжает писать и распространять сатирические стихотворения. Одно из них – о самом Лаврентии Берия, причем, откровенно издевательское. Последствия легко предугадать, но только не такому идеалисту как Андроникашвили. «Как неожиданно и нехорошо повернулась вся моя жизнь», – пишет он, когда его отправляют на Соловки. Это – самый печально

известный лагерь, точнее, группа лагерей в рамках «Белбалтага» (управления НКВД, использовавшего труд заключенных на строительстве Беломоро-Балтийского канала).

По дороге у Яссе начинает болеть печень, причем, настолько сильно, что его снимают с поезда и привозят в больницу в Караганде. Там обнаруживают последствия перенесенной на Балхаше малярии – камни в печени и желчном пузыре. Слегка подлечив, Яссе все-таки довозят до СЛОНа – Соловецкого лагеря особого назначения. И он пишет оттуда: «Вокруг необъятное свинцовое ледяное Белое море. Подлее Арктики, по-моему, нет никаких мест на земном шаре. Физически от меня остались «рожки да ножки». Я теперь инвалид 3-й категории – подметаю двор, подвожу песок к мостовой. Я могу писать два письма за месяц и распределил: одно – матери, другое жене».

И тут приобщаются театральные опыт и авторитет в актерском мире. В лагере на Соловках действует театр, в труппе которого наравне с любителями есть профессиональные артисты и режиссеры. Небольшая сцена, уютный зал и фойе расположились в бывшей монастырской трапезной. Спектакли – и бесплатные (агитационные), и платные (зарубежная, российская и советская

На «Балхашстрое»

На Соловках

классика). «Солтеатр» – гордость НКВД, как пишут историки, «главное показушное» предприятие, которым хвастаются перед всяческими комиссиями, высоким начальством, почетными гостями вроде Горького и других советских писателей. Оно должно было демонстрировать, в каких демократических условиях ведется «перековка врагов народа».

«Два удовольствия есть у нас в долгую ночь. Оно из них – баня... Второе удовольствие тоже уводит в мираж, в иной мир. Это удовольствие для души: Соловецкий театр», – вспоминал бывший зэк, знаменитый академик-филолог Дмитрий Лихачев. И вот, Яссе сообщает: «Работаю здесь в театре режиссером, хотя и внештатным, по простой причине – штатов таких нет. Одни меня здесь артисты очень любят и ценят высоко, но другие, главным образом из руководящего состава искусства, по тем же причинам ненавидят. Театр везде – театр, со всеми его радостями, горестями и гадостями...» Он руководил оперно-опереточной труппой «Солтеатра», поставил «Перикола», оперетту «Мирандолина» по мотивам «Хозяйки гостиницы» Гольдони. Успех был такой, что на эти спектакли приезжало начальство «Белбалтлага».

А 1935-м в этом театре появляется известный украинский режиссер-новатор Лесь Курбас, осужденный на 5 лет по делу «Украинской военной организации». Перед арестом он руководил харьковским театром «Березиль», работал в московских

Малом и Еврейском театрах. И привык быть главным и единолично решать, что ставить и кому играть. Андроникашвили не смог с ним ужиться и был отправлен валить лес на севере Карелии, на берегу Белого моря. Воистину, «театр везде – театр, со всеми его радостями, горестями и гадостями».

Но Яссе старается не унывать, пишет матери: «Энергии у меня, сама знаешь, непочатый край, а талантами ты меня снабдила тоже невредными. Я спокойно набираюсь сил и творческой зарядки для будущего, в которое твердо верю...» А это – его предпоследнее письмо с Соловков: «Удивляюсь на людей, живущих в эти широтах добровольно. Есть у меня здесь и маленькая подруга. Каждый день вечером с Большого острова по льду ко мне бегают красавица лиса. Я зову ее Лидочка. Она аккуратно садится на приступочку моей хибарки и терпеливо ждет, чтобы я ей вынес кусочек сахару. Кормлю ее прямо с рук. Еще немного – и прямо Франциск Ассизский. Святым, оказывается, быть совсем не трудно».

Тем временем в Тбилиси женщины семьи Андроникашвили борются за освобождение своего сына, брата и мужа. Они уже не обращаются в «органы», знают, что это бесполезно. Единственная их надежда – организация «Помощь политическим заключенным», которую называли еще «Помполит» и «Политпомощь». С 1922 по 1937 годы в нее обращались родственники арестованных «за политику». И она наводила

справки, материально помогала и даже ходатайствовала перед властями об освобождении зэков. Возглавляла ее Екатерина Пешкова – единственная законная жена Максима Горького. Именно на ее имя в марте 1937-го пишет Лидия Николаевна:

«Сын мой, Яссе Андроников, с весны 1936 года сослан в Соловки, и в настоящее время находится в очень тяжелом положении, так как благодаря закрытию навигации он лишен возможности получать посылки, которыми я его снабжала все эти месяцы, а вместе с тем его болезнь печени, катаральное состояние желудка

Лесь Курбас

Памятник на месте расстрела заключенных Соловков

и сильное истощение, вызванное тяжелым заболеванием, предшествовавшим ссылке в Соловки, требуют как раз усиленного питания. По его письмам я узнала, что ему разрешается получать только 50 руб. в месяц, и то с особого разрешения начальства, 300 гр. хлеба в день и кое-что еще из сухого пайка. Переведенные ему мною за это время по 100 руб. ежемесячно ему не выдают, а на 50 руб. он, конечно, не сможет себя обеспечить необходимым питанием и куревом. Мое сердце матери надрывается от горя, и я умоляю Вас помочь мне и исхлопотать ему разрешение на выдачу ежемесячно по 100 руб. и на усиление ему пайка на оставшиеся до открытия навигации 1-2 месяца, пока я не смогу снова снабжать его посылками. Дочь моя обращалась к Вам по делу брата в прошлом году, и потому дело его должно быть Вам известно. Смею надеяться, что о результатах предпринятых Вами шагов Вы поставите меня в известность в возможно скором времени, так как я не нахожу себе покоя от мысли, что сын мой принужден испытывать столько лишений после того, как спустя 6 лет ссылки он имеет полное право на смягчение своей участи, а не на усиление наказания».

Через месяц – ответ юриди-

ческого отдела «Помполита»: «Сообщаю, что с ходатайством о разрешении Вашему сыну Я. Н. Андроникову получать 100 руб. ежемесячно Вы можете обратиться непосредственно в Тюремный отдел НКВД». Проходит еще 4 месяца, и в Москву уходит еще одно письмо: «Не имея в течение двух месяцев известий о моем сыне, Яссе Николаевиче Андроникове, находившемся в Соловках (Попов остров), прошу Вас помочь мне узнать, где он находится, не переведен ли в другой лагерь и не вызвано ли его молчание тяжелой болезнью, так как последние месяцы он сильно страдал при припадках прохождения камней из печени. Управление лагерей ББК на Поповом острове мною лично запрошено, но пока ответа от них не имею».

И в тот же месяц – ответ: «Получить справку о местонахождении Вашего сына Я.Н. Андроникова мы не имеем возможности. Обратитесь с запросом непосредственно в Тюремный отдел ГУГБ НКВД (Москва, пл. Дзержинского, д. 2)». Нина, жена Яссе в отчаянии пишет лично Пешковой: «Помогите мне, дорогая. Помогите моему мужу как-нибудь. Умоляю Вас. Скажите мне, что делать». Ответов не было: за окном – 1937-й, «Помполит» уже становится ни-

чем. А Яссе осенью этого года был переведен на тюремный режим, в октябре приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в месте массовых казней – урочище Сандармох. Всего там были убиты 6421 человек, среди которых – и Лесь Курбас. Тот, из-за которого Яссе покинул «Солтеатр».

А семье князя власти попросту лгали. После войны ей сообщили лишь то, что Яссе приговорен к 10 годам без права переписки, хотя этот срок должен был уже давно закончиться. В 1966 году запрос в архивы КГБ сделал уже персональный переводчик французских президентов де Голля, Помпиду и Жискара д'Эстена, кавалер ордена Почетного легиона. Звали его... Константин Андроникашвили. Ему ответили, что его отец в 1938 году умер от дистрофии. И лишь в 1997-м общество «Мемориал» установило, где и когда погиб князь Андроникашвили.

А мать и сестра Яссе, многие годы хранившие его стихи и письма, передали их Константину, когда тот приезжал в Грузию. Так появилась книга «Я просто шел, не ведая куда». Вообще-то, ее автор прекрасно знал, куда он шел – к правде, любви, творчеству. Только время и власть были таковы, что дойти не довелось.

Юлия Сорокина. Фото – Ольга Слюсарева

В МИРЕ КУКОЛ И ЛЮДЕЙ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

В Тбилиси живет художница и скульптор, создающая куклы, которые называют живыми. Они действительно выглядят, как люди: красивые и не очень, добрые и злые, самодовольные и робкие, веселые и грустные, а еще – наполненные светом и мудростью... С одним лишь замечанием: их создал не Бог, а Юлия Сорокина.

Юлия с детства тонко чувствовала себя и мир. По ее словам, она пришла на эту Землю не вовремя, в тот мучительный период, когда родители расставались. Крайне сложные отношения с отцом, постоянные внутренние поиски себя, твердой почвы под ногами и гармонии в душе воспитали в девочке сильную личность, которая твердо решила – станет врачом. Дело

в том, что в руки 6-летней Юлии попала медицинская иллюстрированная энциклопедия с описанием разных заболеваний и лечебных трав. И маленькая девочка поняла: вот, для чего я пришла, буду помогать людям. В пятнадцать лет, окончив в Тбилиси девять классов, поехала учиться в Кисловодск, где был очень хороший медицинский колледж. Жила у отца, в Георгиевске, в часе езды на электричке. Но из-за разногласий с ним не окончила колледж и вернулась в Грузию».

Так страсть к медицине не реализовалась. И однажды, когда надо было определяться с жизненным путем, с делом жизни, девушка задумалась: а может, все же изобразительное искусство? Ведь она умела и любила

рисовать еще с подросткового возраста: «Прекрасно помню: первый рисунок я создала 13 августа 1992 года. Нарисовала спящего соседского малыша Андрюшу, за которым смотрела моя бабушка. И вдруг поняла: я, оказывается, могу рисовать. С тех пор начала рисовать – перерисовывала картинки из библиотечных книг. Тогда же, в 13 лет, мне попалась книга о хиромантии, изучив которую, я обнаружила, что у меня две линии судьбы. И впервые засомневалась: а вдруг я не стану врачом? Вдруг мне суждено стать еще кем-то?»

Она начала создавать пре-

лестные вещи из бисера. Потом – замужество, дети. Вскоре в школе, где учился сын, узнали, что Юлия хорошо рисует, и стали время от времени просить помочь со всякими художественными заданиями. Совершенно случайно (или совсем не случайно?), когда ей было 33 года, ровно через двадцать лет после того первого рисунка, сын принес домой пластилин – ему надо было что-то вылепить для урока труда. Она взяла пластилин и неожиданно для себя вылепила грациозного клоуна. Его она хранит и по сей день.

«А потом со мной случилась мистическая история, – вспоминает Юлия. – Однажды услышала по телевизору астролога Михаила Цагарели: если Водолеям в начале года подарят ключ, часы или зеркало, то в их жизни начнет происходить нечто важное. И через пару дней приходит мой брат Женя с маленьким серебряным ключиком: «Вот тебе ключ от всех дверей». Я взяла этот ключ, и в голове появился образ эльфа с ключом, открывающим сундук. Через два года я все-таки вылепила симпатичного куколенка, открывшего сундук с сокровищами».

методом тыка, проб и ошибок. На одну куклу у меня уходил примерно месяц. В 2011 году даже на YouTube не было уроков, как делать куклы. Поэтому я изобретала велосипед. Потом, когда я уже продавала свои работы, появилась книга очень известной кукольницы Елены Куниной, где она объясняла правила этого ремесла. И я, к своей радости, поняла, что и сама все делала правильно».

А настоящее чудо произошло, когда Католикос-Патриарх всея Грузии Илия Второй купил всю коллекцию Юлии Сорокиной с ее первой персональной выставки.

жи пришлось ждать четыре месяца. За это время у кукольницы уже набралось четырнадцать работ, и появился шанс выставиться в другой галерее – «Ваче», правда, платно. И когда Юлия почти решилась на это, раздался звонок. Как потом выяснилось, заявление Юлии затерялось. К этому времени в Центре сменился администратор. Он разобрал документы, и вдруг из стопки выпал листок – заявка Юлии. Администратор прочел бумагу и позвонил художнице.

«Странно, что из кучи старых документов выпало именно мое заявление. Как в кино, когда ду-

С того момента жизнь Юлии Сорокиной круто изменилась. Она ощутила свои силы, поняла, что может создавать нечто интересное. Тогда и родилась идея сделать «Голого короля» из сказки Леонида Филатова – воплотить тот момент, когда король, сидя на горшке, размечтался о принцессе, а ему говорят: «Очнись, король, да ты же на горшке!». Кукла, по признанию Юлии, получилась милой, страшненькой и смешной, но знаковой. За ней последовала другая, потом – третья. Так появилась потребность создавать куклы: Я все делала

Это было в 2013 году. Юлия шла по улице Леселидзе с только что распечатанными фотографиями своих первых шести кукол, встретила знакомую и, показала ей снимки. Они произвели на приятельницу такое большое впечатление, что та взялась показать их одной монахине, по ее словам, умной и влиятельной. А монахиня, недолго думая, пригласила Юлию в Центр молодежи при Кафедральном соборе Самеба – для решения вопроса о бесплатной организации ее выставки.

Но выставка состоялась не сразу. Ответ из Центра молоде-

маешь: так в жизни не бывает, – говорит Юлия. – Но еще и не так бывает! К моему изумлению, выставка прилась на три дня перед Пасхальным постом, когда Патриарх, в качестве исключения, решил провести в храме молебен. Обычно такого не происходит. И тут ко мне пришла одна матушка, которой очень понравились мои работы, и сказала: их обязательно надо показать Патриарху».

Но как? Показать Патриарху работы с выставки, пусть и самые необыкновенные, – дело не то что трудное, но и дерзкое. Ху-

дожницу научили, как поступить: взять свою куклу (это была «Фуфала» по образу героини Софики Чиаурели из фильма Тенгиза Абуладзе «Древо желаний») и стать на службе так, чтобы оказаться в поле зрения Илии Второго. Это очень сложно – как обычно в это время, собирается много прихожан, и все хотят подойти к Патриарху поближе. Охранники, узнав, что Юлия хочет показать Патриарху свою куклу, решили, что это будет подарок, и не препятствовали. Но когда Патриарх подошел, Юлия совершила задуманное: представилась и пригласила его на свою выставку. Охрана на нее зашипела: мол, какая дерзость и наглость приглашать Святейшего, уставшего после молебна, на какую-то выставку. Но Илия Второй поднял руку и сказал: «Я приду».

«И он пришел. И не один, а с епископами, внимательно осмотрел каждую куклу, – вспоминает Сорокина. – Я стояла, как вкопанная. После осмотра Патриарх подошел ко мне, спросил, я ли сделала эти куклы, где я их храню, во сколько мне обходится каждая работа. Я поняла, что куклы ему очень понравились. И вдруг он спросил: «Во сколько ты оцениваешь всю коллекцию?» Я растерялась, у меня выступили слезы на глазах. Я сказала: «Ваше Святейшество, я позвала вас не для этого. Ни для

какой-то выгоды. Я хотела, чтобы Вы увидели мое творчество. И если Вам нравятся какие-то куклы, я их Вам подарю». А он говорит: «Нет, подарков не хочу. Я их куплю, они должны храниться в Патриархии». Тут я чуть в обморок не упала».

После этих слов Патриарх подал знак своим епископам, и каждый пожертвовал Юлии какую-то сумму, и сумму не маленькую. Но это были деньги не за коллекцию, а на дальнейшие расходы, на работу. А Патриарх приобрел всю коллекцию чуть позже, когда автор оценила ее, принесла в Патриархию и еще раз была удостоена уникальной возможности лично поговорить с главой Грузинской Православной Церкви.

Тогда, во время личной аудиенции, Католикос-Патриарх сказал ей важные слова: «Это дар, который тебе подарил Бог. И ты не имеешь права от него отказываться. Я благословляю тебя на этот путь. Ты должна продолжить его и расти в этом направлении». Так в жизни и творчестве Юлии Сорокиной произошло необычайное событие – Благословение Патриарха Грузии. Впоследствии она еще раз посетила Святейшего – когда на сложном пути художника почувствовала некое сомнение в своих силах. Ведь творцам свойственно сомневаться в себе, но в эти переломные моменты часто рождаются настоящие шедевры. Например, такие, как кукла по образу странницы в исполнении Верико Анджапаридзе, сказавшей: «Зачем нужна дорога, если она не ведет к храму?»

Спустя несколько лет Юлия стала основательницей первого в стране Международного фестиваля авторской куклы, на котором ее с коллегами ждал большой успех – было продано 18 кукол. Впоследствии она неоднократно становилась участницей и организатором множества выставок местных и международных выставок на родине и за рубежом – в Латвии, Эстонии, Венгрии. В Будапеште стала золотым и бронзовым призером в двух номинациях, а также получила «Приз зрительских симпатий». А потом настал момент, когда Юлия Сорокина решила, что ей надо профессионально

расти и оттачивать свое мастерство у учителя. Она обратилась к скульптору Ираклию Ревазишвили, у которого обучилась основам скульптуры, и именно после этого у художницы, по ее словам, «случился огромный скачок».

Сегодня Юлия Сорокина, мать троих детей и педагог Центра интеллектуального развития детей IQ club, создает удивительной красоты и утонченности куклы из полимерного пластика. Это персонажи мировой классической литературы и кино, исторические личности или всеми любимые носители разных культур и традиций. В коллекциях Сорокиной можно увидеть очаровательную Бабу-Ягу и ревнивого Отелло, сладострастного Казанову и доброго Деда Мороза, обольстительную Мэрилин Монро и множество других невероятных красавиц, смотреть на которых просто нереально без удивления.

Юлия начала создавать скульптурные произведения и даже целые серии скульптур. Одна из них, гордость Юлии, – цикл скульптурных произведений по мотивам поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Вскоре персонажи «Витязя» «оживут» в руках Юлии на шахматной доске. Есть и поразительной красоты маски, от которых так и веет Прекрасной эпохой, Венецианским карнавалом, эйфорией волшебства и магии. А атмосферный арт-декор, оригинальный, стильный, нестандартный и впечатляющий, вскоре найдет свое место на полках магазинов и галерей страны.

Наконец, у Юлии Сорокиной и ее талантливой ученицы Эки Беридзе, при финансовой поддержке Министерства культуры и лично главы ведомства Теи Цулукиани, открывается кукольная галерея с постоянно действующей экспозицией, где можно будет увидеть и приобрести работы грузинских художниц. Там же планируется проводить творческие мастер-классы и другие культурно-образовательные мероприятия. Ведь благодаря таланту художника, тонкому мастерству и сокровенным знаниям, куклы обретают свою истинную природу – жизнь.

«ИМЯ «КОРОЛЯ ФУТБОЛА» НОШУ С ЕГО СОГЛАСИЯ»

■ **Тенгиз ПАЧКОРИЯ**

Пеле и Пеле

Кончина «Короля футбола» Эдсона Арантеса ду Насимента, известного с юности во всем мире как Пеле, опечалило всю планету. В историю спорта имя Пеле вписано золотыми буквами – не только как легендарного футболиста-виртуоза, но и спортсмена-джентльмена, человека, который сыграл огромную роль в популяризации футбола, здорового образа жизни, в приобщении молодежи разных стран к спорту. В 1999 году Международный Олимпийский комитет признал Пеле «Лучшим спортсменом XX века». Не будем пересказывать биографию единственного в мире трехкратного чемпиона мира, покоровшего своей неповторимой игрой сердца миллионов болельщиков, а предложим чи-

тателям несколько интересных фактов, связывающих «Короля футбола» с Грузией.

Первая история связана с 52-летним кутаисцем по фамилии Гурули и по имени... Пеле. Он – единственный житель Грузии, который, с личного письменного согласия «Короля футбола», носит его имя Пеле. Его отец Михаил был поклонником сборной Бразилии и легендарного футболиста. 14 июня 1970 года в финал ЧМ в Мексике бразильцы со счетом 4:1 переиграли итальянцев и в третий раз стали чемпионами мира. В этом матче, как и в других играх чемпионата, на поле блистал Пеле. Он забил гол-красавец, умело пасовал партнерам и дирижировал игрой команды. В тот же день в Кутаиси, в семье Миха-

ила Гурули был большой праздник – родился сын. Михаил решил назвать его Пеле.

Но одно дело – решить, а другое – добиться официального права носить это имя. Ведь в 1970-м у органов государственной регистрации актов гражданского состояния порой возникали вопросы связанные с присвоения новорожденным того или иного имени. И у семьи Гурули поначалу тоже возникли проблемы. Поэтому Михаил решил написать письмо в Бразилию – лично самому Пеле. Но в те времена письма из СССР за рубеж или не шли дальше Москвы, или долго проходили проверку в спецорганах. Но Михаил проявил смекалку.

«При помощи сотрудника Посольства Бразилии в Москве Арсениуса Фрейта мой отец сумел обеспечить доставку письма в Бразилию, – рассказал Пеле Гурули. – Вскоре в Кутаиси пришел ответ. Пеле дал письменное согласие на просьбу, а также прислал подарки – копию Кубка мира-1970 (Кубок Жюля Риме), свой автограф и серебряный стакан». Эти подарки и сейчас хранятся в семье Гурули как самые драгоценные реликвии. «Мы также храним письма,

Пеле Гурули

полученные в 1970-е годы из разных стран, авторы которых поздравляли отца с тем, что «Король футбола» разрешил назвать сына своим именем», – добавил кутаисский Пеле.

А в 1976 году Михаил Гурули получил из посольства Бразилии в Москве письмо с известием о том, что «если в 1980 году Пеле прибудет на Олимпийские Игры в Москву, то он встретится с членами семьи Гурули – Михаилом и его сыном». «Наша се-

Михаил Гурули

мья к тому времени уже была приглашена в Москву на Олимпийские Игры-1980, но в условиях бойкота Московской Олимпиады десятками стран Запада (в знак протеста против ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 года – Т.П.) Пеле в СССР не приехал. В последующие годы мне и отцу также не удалось побывать в Бразилии», – сказал Пеле Михайлович.

Он отметил, что в 2001 году ожидался приезд Пеле в Кутаиси для участия в съемках фильма «Пеле из Кутаиси». По словам Гурули, «реализацией проекта занималась SNIC (Brazilian Film and Video Production Company) – ведущая компания по производству кино- и видеопроизводства Бразилии; ее президент сообщил властям Грузии о том, что Пеле согласен приехать в Кутаиси. К сожалению, в силу ряда обстоятельств этот визит не состоялся». «Короля футбола» ожидали в Грузии осенью 2013 года, а затем в апреле 2014 года – в рамках благотворительного международного футбольного турнира с участием молодежных сборных Грузии, Бразилии, Аргентины и Уругвая. Увы, и этого не произошло...

А в январе этого года Пеле Гурули направил письма с соболезнованиями футбольному клубу «Сантос», за который Пеле играл в 1956-1974 годах, и

нескольким бразильским спортивным изданиям. Он выразил свое сочувствие семье великого футболиста, народу Бразилии и напомнил историю своего имени, подчеркнув: «Я горжусь, что ношу имя Пеле».

Шеварднадзе, Пеле и Марадона

В 2000 году в десятках стран мира журналисты, футболисты, тренеры, политики, общественные деятели, деятели культуры и спорта участвовали в опросах для выявления лучшего футболиста XX века. И на пресс-конференции в Тбилиси в конце декабря 2000-го мне как тогдашнему корреспонденту московской спортивной газеты «Спорт-экспресс» в Грузии, довелось задать вопрос президенту страны Эдуарду Шеварднадзе: кого он, поклонник футбола с большим стажем, считает лучшим футболиста мира XX века – Пеле, Марадону, Круиффа или кого-то еще. Президент ответил: «Все-таки Пеле». И после паузы добавил: «Только пусть Марадоне об этом не говорят». По залу прокатился смех. После пресс-конференции ко мне подошли удивленные иностранные коллеги: «Неужели Шеварднадзе знает, что между Марадоной и Пеле напряженные отношения, и Диего завидует первенству Пеле?». На этот вопрос я ответил так: «Шеварднадзе – болельщик сборной Бразилии с 1960-х годов, он хорошо разби-

Moscou, em de outubro

Ilustríssimo Senhor
Gurui Mihail Petrovich
Pr. Molodtzi, 75
Grouzia, Kutaisi.

Prezado Senhor,

Tenho o prazer de acunar o
sua carta de setembro último. A Eselix
sente monito, não tes conhecimento da
Edson Arantes do Nascimento. Não deiza
lo desde que seja confirmada a visita
Aproveito a oportunidade
protestos da consideração com que me
da Yonna Seahoria

Archiebis F.K. de Fra
S. S. S. S. S.

СССР

Министры ГССР и республиканского Совета профсоюзов

рается в футболе, он знает все, кроме того, как объединить Грузию».

Они играли против Пеле

Муртаз Хурцилава, знаменитый грузинский футболист, бывший капитан тбилисского «Динамо» и сборной СССР однажды получил возможность сыграть в матче с участием Пеле. 4 июля 1965 года в Москве состоялась товарищеская встреча сборных СССР и Бразилии. Хурцилава не смог участвовать в ней из-за травмы, зато за сборную СССР в тот день играли тбилисские динамовцы Михаил Месхи, Слава Метревели, Георгий Сичинава, Владимир Баркая и вышедший на поле во втором тайме вратарь московского «Торпедо» Анзор Кавказашвили, – уроженец Батуми, который в разные годы играл за тбилисское «Динамо», ленинградский «Зенит», московские «Торпедо» и «Спартак», кутаисское «Торпедо». «Та встреча в Москве завершилась победой бразильцев 3:0, – вспоминает Хурцилава. – Они сыграли лучше и результативнее. Два гола в ворота сборной СССР забил Пеле, один – Флавио. На матче в Лужниках присутствовало 103 тысячи зрителей».

11 ноября 1965 года в Рио-Жанейро, на знаменитом стадионе «Маракана» в присутствии более 110 тысяч зрителей, состоялся ответный поединок сборных СССР и Бразилии. Во второй игре Сичинава и Баркая не играли, из тбилисских динамовцев в сборной СССР на «Маракана» выступали С. Метревели и М. Месхи, на 73-й минуте при счете 2:1 в пользу

Георгий Сичинава, Слава Метревели, Пеле, Анзор Кавказашвили, Миша Месхи

бразильцев на поле вышел И. Хурцилава. «Первый тайм завершился вничью 0:0, в начале второго тайма два гола забил Жерсон и Пеле. Вскоре форвард бакинского «Нефти» Анатолий Банишевский сократил разрыв в счете, а за пять минут до конца матча Слава Метревели забил бразильцам второй гол – 2:2. Ничейный результат с действующим двукратным чемпионом мира был успехом», – сказал 80-летний Хурцилава.

С Георгием Сичинава, живущим в родном городе Гагра, мы говорили по WhatsApp. Знаменитый полузащитник тбилисского «Динамо» и сборной СССР сказал: «До матча с бразильцами я обещал одноклубникам по тбилисскому «Динамо», что проведу мяч между ног Пеле. Этот финт мне удался во втором тайме. В центре поля я пробросил мяч между ног «Короля фут-

бола» и услышал овации зрителей. Но это было всего лишь утешение – сборная СССР проиграла 0:3. Однако после матча Пеле именно мне подарил свою майку, а ведь среди игроков сборной СССР желающих получить его футболку было много».

Вскоре весь мир облетела фотография, на которой Пеле стоит в окружении грузинских футболистов сборной СССР – Славы Метревели, Михаила Месхи, Георгия Сичинава и Анзора Кавказашвили. А Баркая в кадр не попал: на 68-й минуте его заменил киевлянин Андрей Биба и в конце матча он на поле не был. Но вот какое трагическое совпадение: Владимир Баркая ушел из жизни 30 декабря 2022 года – на следующий день после смерти Пеле...

СЛОВО МАСТЕРА

28 февраля исполняется 95 лет со дня рождения Рамаза Чиквадзе, Народного артиста Грузии, Народного артиста СССР, Почетного гражданина Тбилиси.

В его послужном списке немало ролей, вошедших в классику театра и кино. Но иногда великий артист мог позволить себе, как говорится, «прихоть мастера». В 1993 году Рамаз Чиквадзе сыграл, представьте себе, роль дона Пименто, колумбийского мафиози, в фильме-пародии Левона Узуняна «Падший ангел».

«Я очень хотел, чтобы эту роль сыграл именно Рамаз, — вспоминает Л. Узунян. — Шота Лаперадзе, один из гениальных директоров, работавший на нашей картине, поговорил с Рамазом, который был его другом, и тот согласился на один съемочный день. И категорически мне заявил: «Знай — если не снимешь меня за один день, то не

снимешь вообще».

Приехали в Ботанический сад снимать Колумбию.

Стоял солнечный октябрьский день. Рамаз играл «крестного отца» наркомафии. Все готово. Должны снимать сцену около бассейна с лягушками. И вдруг Рамаз говорит: «Хочешь, я встану и прыгну в бассейн?» — «Зачем?» — «А такого кадра еще никогда не было — Рамаз Чиквадзе с лягушками!» — «Нет, батоно Рамаз, не нужно».

Приготовились, мотор, начали снимать — и вдруг пошел снег! Какая уж тут Колумбия! Я остановил съемку. А Рамаз: «Давай продолжим!» — «Как? Снег же идет!» — «А я скажу в кадре: посмотрите, что творится в Колумбии — снег идет!» — «Нет,

не стоит». — «Тогда ты не успеешь снять эту сцену, а второго дня у тебя нет». — «Успею!» — «Вот если успеешь, я и озвучу тебе бесплатно». — «Обещаешь?» — «Обещаю!».

Просто Рамаз Григорьевич не знал, что я по гороскопу — Рак. А если в клешни раку что-то попало (пусть даже народный артист СССР!), то он добычу не отпустит никогда.

Снег прошел, все убрали. Я успел. Снял. И Рамаз подтвердил свое обещание: «Ну, когда надо будет прийти на озвучивание, позвони. Я от своих слов никогда не отказываюсь».

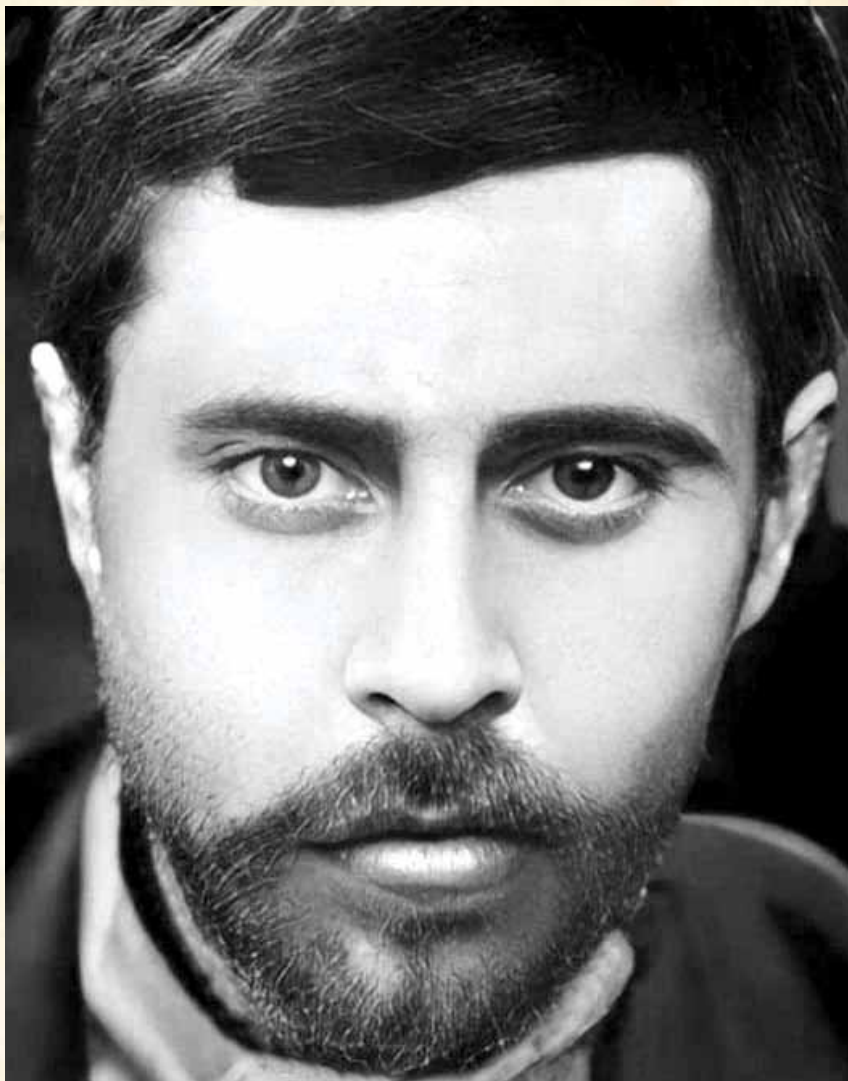
Прошло время. «Колумбийские» кадры с Чиквадзе я озвучил на испанском языке и позвонил Рамазу: «Вы обещали, приезжайте». Он приехал. «Где мои кадры?» — «Они уже озвучены. А вас я попрошу озвучить вторую главную роль». — «Но я за один день не успею!» — «Вы обещали прийти на озвучивание, но на какую роль и на сколько дней — об этом разговора не было». — «Ах ты хитрец! Я-то считал, что самый хитрый армянин — это Сергей Параджанов. Но ты его превзошел! Не обольщайся, превзошел только в хитрости. Кормить-то хоть будешь?» — «Конечно, буду. Булочками!»

И Рамаз Чиквадзе восемь смен стоял у микрофона и озвучивал. Сдержал слово.

Его мастерство чувствовалось даже в той небольшой роли, которую он сыграл. А уж как он озвучил — это настоящая актерская академия. Мастер-класс, большая школа! Он хватывал с лету — ему достаточно было услышать от режиссера всего несколько слов о своем персонаже. Кстати, я заметил — такова вообще особенность старой актерской школы. Эти актеры были накачаны, как спортсмены, и умели быстро сосредотачиваться и быстро, талантливо работать.

Совсем недавно я был в Александровском саду. Подошел к памятнику Рамазу Чиквадзе в роли Аздака...

Как все-таки здорово, что у нас ставят памятники великим актерам и их сценическим героям!»

НЕИЗВЕСТНАЯ ФОТОГРАФИЯ ПИРОСМАНИ?

■ Ханна ПЕНМАН

По степени таинственности и загадочности он, пожалуй, уступает только своему великому соотечественнику, автору средневековой поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. Мы не знаем наверняка, когда он родился, как жил, о чем мечтал и где был похоронен. Да что там, мы даже не уверены, как он выглядел. Зато наизусть знаем всех персонажей его трогательных картин, а о его характере, жизни и пути, увы, сплошные догадки...

Все это – о культовом грузинском художнике-примитивисте Нико Пиросманашвили, всемир-

но признанном живописце, чье творчество сегодня является культурным наследием Грузии. И вот появилась большая вероятность, что в стране (возможно!) сделано удивительное открытие, еще одна попытка приблизиться к разгадке личности Пиросмани на один маленький, но важный шаг – воссоздать его лицо.

Речь идет о фотографии, обнаруженной в архивах города Хашури (регион Шида Картли), где Пиросманашвили недолго служил тормозным кондуктором. На этом снимке предположительно запечатлен Никала, как его с

любовью называют в Грузии. По крайней мере, так утверждают авторы находки – работники Хашурского музейного объединения.

Впрочем – обо всем по порядку.

«ВАЙМЕ, ПИРОСМАНИ!»

В июле 2022 года три сотрудника Хашурского музейного объединения – главный защитник фондов Краеведческого музея Хашури Мзия Лобжанидзе, менеджер издательских дел Маквала Хачидзе, а также замуководителя Хашурского музейного объединения по научной части Мурад Мтварелидзе – отправились в мини-экспедицию в старый район города Хашури, в «Кошкис убани» («район башни»).

«Мы изучали архитектурный стиль старинных домов, беседовали с разными людьми, посещали семьи, где хранились исторические документы и фотоснимки, – рассказывает Мзия Лобжанидзе. – Так мы попали в семью Иосеба Ломсадзе, чьи предки по материнской линии были Тевдорашвили. Это старая известная хашурская фамилия, представители которой были и торговцами, и железнодорожниками. Глава семьи Иосеб Ломсадзе показал нам свой дом – сооружение начала XX века. А потом предложил взглянуть на имеющиеся в семейном архиве фотокадры. На одной из таких фотографий, групповом снимке, мы начали отыскивать Иосеба Дзнеладзе, купца второй гильдии из Хашури. Мы искали именно эту личность и даже не думали, что можем обнаружить нечто более интересное. И вдруг я увидела это лицо и воскликнула: «Вайме, Пиросмани!» И мою догадку тут же подтвердили коллеги. Нас всех троих в эту минуту обуяло невероятное счастье».

Догадка была, действительно, правдоподобной. Ведь Нико Пиросмани действительно работал и жил в Хашури с апреля по ноябрь 1890 года, рассказал нам Мурад Мтварелидзе.

«И жил он именно в «Кошкис убани». Поэтому примечательно, что мы обнаружили это фото именно в этом районе. Семья Тевдорашвили живет в Хашури со второй половины XIX века. В 1886 году, согласно «семейным

На этом фото, возможно, изображен Пиросмани

спискам», в этой семье жило три молодых сына примерно возраста Пиросмани. Тогда Никале было 28 лет. Возможно, он жил в их доме или по соседству», – сказал Мтварелидзе.

В результате находки в Хашурском музейном объединении единогласно решили, что их открытие требует профессиональной оценки специалистов – соответствующих экспертов, искусствоведов, историков. Для этого музейщики планируют официально обратиться в Национальное бюро судебной экспертизы им. Л. Самхараули и, разумеется, в министерство культуры Грузии. А пока фотография, на которой предположительно запечатлен Нико Пиросманашвили, была представлена широкой общественности на фотовыставке «Железная дорога в Хашури – 150».

«Повторяем: это только предположение, и мы это подчеркиваем, – отмечает Мзия Лобжанидзе. – Поэтому мы хотим, чтобы общественность неким образом объединилась. И если это правда фотография Пиросмани, то подтверждением этого факта мы, грузинский народ, выполняем долг перед Пиросмани».

Любопытно, что позже, уже после нашего разговора с музейщиками, произошел еще один интересный момент – со специалистами из музея связался сын заслуженного учителя по физике и астрономии Григола Схиртладзе Леван Схиртладзе. Он, увидев фотографию, на которой предположительно изображен Пиросмани, узнал в сидящем рядом с Николой своего деда – Леонтия Схиртладзе. И выяснилось, что Леонтий Схиртладзе, рожденный в 1863 году (т.е. он примерно был

ровесником Пиросмани), тоже, как Никала, работал на хашурской железной дороге сначала работником, а потом машинистом.

«Эта информация оказалась очень полезной в плане укрепления наших предположений о том, что на этом фото изображены хашурские железнодорожники», – говорит Мурад Мтварелидзе, подчеркивая, что в музее разыскивают и других лиц с обнаруженной фотографии.

НИКАЛА НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

О работе Нико Пиросмани на железной дороге подробно писал известный ученый и искусствовед Эраст Кузнецов в книге «Пиросмани»: «17 апреля 1890 года Пиросманашвили подписал форменный бланк с обязательством – «Подписка. Даю сию Управлению общества Закавказской железной дороги в том, что я получил относящуюся до моей обязанности инструкцию; при чем мне разъяснены все пункты оной, которые я понимаю, и обязуюсь в точности выполнять все изложенные в ней правила. Также обязуюсь подчиняться денежным взысканиям по службе, которые будут наложены на меня начальством железной дороги.

Кондуктор Николай Пиросманашвили 17 апреля 1890 г.».

Так для Никалы началась служба на железной дороге. Ровно на второй день после этой подписки, 18 апреля, Нико стал железнодорожником, а именно – тормозным кондуктором товарных вагонов. «Сначала на станции Михайлово, а с 14 октября – на станции Елисаветполь, – пишет Эраст Кузнецов. – По странной игре случая в управлении той

же самой Закавказской железной дороги в 1892 году служил писцом не кто иной, как Федор Шаляпин, и не исключено, что некоторые документы, касавшиеся Пиросманашвили, проходили через его руки; у счетовода того же управления Александра Калюжного летом 1882 года жил молодой Алексей Пешков – он работал в железнодорожных мастерских и писал свой первый рассказ «Макар Чудра».

По воспоминаниям современников, у Нико Пиросмани было много друзей среди железнодорожников. Некоторых из них он даже рисовал. Часть этих рисунков, наверное, затерялась, а другая какое-то время, возможно, хранилась у этих людей, в этих семьях. А может, и хранится до сих пор, пока их кто-то где-то не найдет. Ведь все возможно.

«Лишь по упоминаниям мы знаем о «Портрете двух друзей-железнодорожников», висевшем в заведении «Варяг», – говорится в книге Э. Кузнецова. – Или о портрете какого-то «начальника» Кипиани, и лишь совсем недавно на одной из выставок возник из небытия «Портрет железнодорожника. Миша Метехели», чудесный по живописи лица, хотя сильно испорченный безвкусным фоном (возможно, нанесенным чужой рукой)».

Вот ведь какая оплошность: искусствоведам и исследователям творчества Нико Пиросмани в свое время надо было не ломать головы над Маргаритой и миллионами роз, то есть историями, целиком и полностью повязанными в легендах, а просто поехать и поговорить с коллегами Пиросмани на железной дороге. Расспросить кондукторов, сцепщиков, машинистов, кочегаров и рабочих депо – тех, кто несколько лет работал с великим художником, знал, видел его и был в состоянии помочь составить им подробный, а не таинственный, лишенный реальности, портрет Пиросмани. Могли рассказать о том, как Пиросманашвили жил и работал, над чем смеялся и о чем заботился, чем интересовался и о чем грустил, как ему было трудно разрываться между ужасающей реальностью и собственной мечтой.

До нас дошли лишь некие документальные подтверждения

тому, как Пиросмани было трудно служить на железной дороге.

«Служба протекала беспокойно, – пишет Э. Кузнецов. – В формулярном списке Пиросманшвили частые записи о штрафах: «За опоздание на дежурство – 50 копеек», «За проезд безбилетного пассажира – 3 рубля», «За неявку к поезду – 2 рубля», «За неисполнение приказаний дежурного – 3 рубля», «За слушание главного кондуктора – 3 рубля». Штрафы были, конечно, жесточайшие для человека, который получал 15 рублей в месяц».

А ведь за этими штрафами стоял живой человек – живой Пиросмани. И он, к сожалению, был часто не совершенен. Дисциплина на нуле – Нико все время опаздывал, что-то упускал, не слушался главного кондуктора, ругался с дежурными, мог по доброте душевной провести кого-то без билета. А еще он без конца болел и просил о переводе в Тифлис, об отпуске, о пособии, о лечении, а потом и об увольнении.

Одним словом, начальству было с Пиросмани нелегко. При этом он часто рисовал на работе и по этой причине тоже отвлекался от своих прямых обязанностей. А ведь служба тормозного кондуктора – дело серьезное и не прощает ошибок, которые могли привести к несчастью.

«Как нам нужны конкретные виновники, как нам нужно в кого-то ткнуть пальцем и тем самым очиститься перед тенью великого человека! – пишет Кузнецов. – Беда была не в придирчивом начальстве, а в том, что Пиросманшвили принужден был служить тормозным кондуктором, в самом укладе жизни, при которой человек не есть то, что он есть на самом деле, жизни, при которой одаренному художнику достается место бродяги, а старательному ремесленнику – место академика живописи».

В итоге, согласно имеющимся источникам, ссылаясь на хронический насморк и грудную боль, полученные на службе на товарных поездах, Пиросмани в ноябре 1893 года просит уволить его и уплатить пособие за ущерб здоровью. Его увольняют и 17 января 1894 года он получает полный расчет, с выплатой выходного пособия – 45 рублей.

Хотя, помимо болезни, работа

на железной дороге все же многое дала Пиросмани – он много куда ездил, много чего и кого видел. Ему уже было немало лет. Семьи и карьеры не получилось. Надо было что-то решать со своей жизнью. Поэтому он собрался с силами, наскреб все имеющиеся деньги, добавил пособие и попробовал стать торговцем – открыть собственную лавку. Но, как мы знаем, и это у него не получится. Ничего не выйдет. И впереди этого невероятного «духанного» художника будут ждать только его призвание и нищета.

ЗАГАДКИ ПИРОСМАНИ

И все же – за всеми этими рассказами, подписками, штрафами и рисунками очень трудно разглядеть настоящего Пиросмани, истинного Никала, и тем более понять, как он выглядел.

На сегодня подлинными считаются только три фотографии с изображением Нико Пиросмани. На одной из них художник в совсем юном возрасте (скорее всего, во время проживания в доме Калантаровых), другая сделана фотографом Эдуардом Кларом за два года до смерти, в 1916 году, на ней мастеру около 54 лет, третья – это групповой кадр, сделанный фотографом театра Марджанишвили. Историки утверждают, что там запечатлен Пиросмани за несколько месяцев до своей смерти.

Есть и несколько рисунков, на которых изображен Пиросмани. Когда художника пригласили в тогдашнее Общество грузинских художников, его зарисовали три художника – Шалва Кикодзе, Александр Мревлишвили и Яков Николадзе. И, знаете, когда внимательно рассматриваешь эти зарисовки, будто смотришь на трех разных людей. Хотя при этом есть у них нечто общее – мало уловимое, но все же. Какая-то глубинная грусть, образ несчастья, боль в глазах. И в каждом образе эта боль иная.

Кстати, очень живописно, ярко и трогательно Нико Пиросмани запечатлен на картинах своего современника – Ладо Гудиашвили. Известный живописец как многократно запечатлел его облик, всегда грустный и печальный, так и его последнюю обитель – каморку под лестницей, где бедный Никала жил в послед-

ние годы и умер. Там сейчас музеем его имени.

Еще один интересный факт. В 2019 году 22 января на странице «Грузинской железной дороги» в социальной сети Facebook появилась фотография стоящего у вагона мужчины в фуражке и в служебной форме. В публикации ГЖД было написано: «Гениальный художник Нико Пиросмани был железнодорожником. В первый раз в 1890 году по рекомендации друга он начал работать сторожем на вокзале, но был уволен из-за конфликта с начальником. Позже, опять же при вмешательстве своего друга, Нико вернули на железную дорогу в качестве проводника открытой платформы грузового поезда. Однако из-за слабого здоровья в 1894 году он добровольно оставил службу. Это фото, на котором, вероятно, запечатлен Пиросмани, сохранилось в архиве «Железной дороги Грузии».

В кадре – довольно самоуверенное, волевое лицо, усы, борода. И те же глаза – полные боли и предвидения.

К слову, кроме прискорбно малого количества фотографий, однажды присутствие Пиросмани «заподозрили» и на видеозаписях. Есть предположение, что Пиросмани попал в объектив видеокамеры в 1911 году, когда был на похоронах известного грузинского предпринимателя и мецената Давида Сараджишвили. Это открытие было сделано несколько лет назад: тогда эксперты сравнили признанные подлинными фотографии с кадром из документальной кинохроники. В результате антропологического анализа специалисты пришли к выводу, что на них, скорее всего, изображен один и тот же человек. То есть наш Никала. Во плоти.

Великого грузинского художника Нико Пиросмани нет с нами уже более ста лет. И все это время искусствоведы, историки и исследователи его творчества думают и гадают, кем был Пиросмани, о чем он думал, чем дышал. Мы доподлинно знаем лишь то, что он жил и что он оставил нам немислимо драгоценное наследие – свои картины. И свои тайны, о которых мы еще долго будем спорить и продолжать искать истину.

«БРОСКИ ЕГО БЫЛИ КРАСИВЫ И РАСЧЕТЛИВЫ...»

■ **Владимир ТАВАДЗЕ**

В начале футбольной карьеры

Несколько лет назад спортивные журналисты СНГ составили списки «советских дрим-тим» – символических сборных различных клубных команд за всю историю их участия в чемпионатах СССР. Составы определялись по перечням 33-х лучших игроков страны по итогам футбольных сезонов. И голкипером «команды мечты» тбилисского «Динамо» был назван игрок, не выигрывавший ни европейский Кубок, ни высшие награды всесоюзных турниров, ни приз лучшему вратарю года. Владимир Маргания, которому в феврале исполнилось бы 95 лет, «все-го лишь» 4 раза назывался в числе 33-х, получил «серебро» Спартакиады народов СССР-1956, чемпионатов СССР 1951 и 1953 годов, «бронзу» Всесоюзного первенства 1950 года. Вместе с тремя одноклубниками (Георгием Антадзе, Автандилом Гогоберидзе и Автандилом

Чкуасели) он был среди тех, кто в 1952-м, впервые в истории советского спорта, отправился на Олимпийские игры.

Небольшой для вратаря рост – 175 сантиметров – Маргания компенсировал блестящей реакцией и эффектными прыжками. Единственное, в чем не повезло одному из сильнейших советских голкиперов конца 40-х-50-х годов прошлого столетия – то, что ему выпало играть в одно время с Яшиным, на фоне которого трудно было казаться лучшим. И все равно грузинский спортсмен, которого все звали сокращенным именем Вова, был в центре внимания столичных специалистов. Именно он, по приглашению тогдашнего чемпиона страны, московского «Динамо», стал дублером Яшина в турне 1954 года по Франции и Швейцарии. А в 24 года получил высшее спортивное звание «Заслуженный мастер спорта СССР», к которому многие стремились всю свою жизнь.

И это при том, что в спорт парень из села Адзюбжа Очамчирского района пришел отнюдь не ради футбола. Вова увлекался боксом, всерьез занимался в юношеской спортшколе сухум-

ского «Динамо», в 16 лет стал чемпионом Абхазии среди юношей. В 1944-м он участвовал в матче с тбилисскими сверстниками и восхитил всех удивительной реакцией, помогавшей в атаке и обороне. Именно эта реакция и привлекла внимание футбольных специалистов, которые сумели убедить парня, что он рожден быть голкипером. Время было тяжелое, игроков набирали «с миру по нитке», а Маргания подтвердил в воротах сухумского «Динамо» поговорку о том, что талант всегда пробьется.

Через год на тренировочный сбор в Абхазию приезжает команда «Стахановец» из Сталино (нынешний донецкий «Шахтер»). И Вова принимает предложение перейти в нее. Не только потому, что она играет во второй группе чемпионата СССР. В воротах «Стахановца» – бывший тбилисский динамовец Александр Дорохов, у которого есть чему поучиться молодому вратарю. И вот известный московский спортивный журналист Юрий Ваньят подчеркивает в публикации «Красного спорта» (будущий «Советский спорт»): «Стахановец» в контрольном матче в Сочи победил московские «Крылья Советов» со счетом 3:1 лишь потому, что юный Маргания не позволил легендарному Петру (Пеке) Деметьеву, игравшему до войны в сборной СССР, забить больше одного гола.

А потом – приглашение в тбилисское «Динамо». Там перед сезоном 1948 года Владимир успешно дебютирует в двух матчах дублирующего состава с московским «Торпедо», потом играет в шести из десяти контрольных матчей основного состава и выходит на поле в открывающей сезон игре с минским «Динамо». Из десяти весенних матчей чемпионата страны дебютант участвует в восьми. И становится ясно: найдена достойная замена заслуженному ветерану Сергею Шудре, которому шел 35-й год.

Вот что пишет знаменитый нападающий московского «Спартака» и сборной СССР Никита Симонян, родившийся в Сухуми: «Мне по-прежнему дорога картина «Вратарь». Она

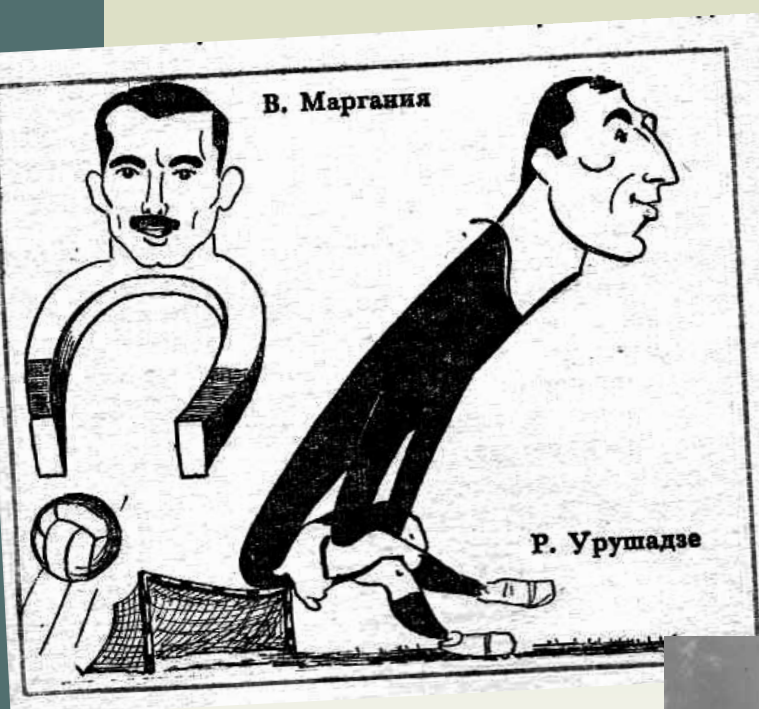

из удивительного времени, она про утро нашего спорта. И с Кандидовым связаны лучшие дни детства. Мы верили, что в самом деле есть такой вратарь Антон Кандидов, который пропустил всего один мяч в жизни. А рядом рос свой «Кандидов» – Володя Маргания, который со временем будет защищать ворота тбилисского «Динамо». Долго и надежно, одиннадцать футбольных сезонов, защищал Владимир Маргания ворота одного из самых популярных советских клубов».

А это – взгляд на Вову Маргания «изнутри» динамовской команды. Вспоминает другой тбилисский вратарь Михаил Пираев, три чемпионата страны сыгравший за столичную команду ВВС и вместе с московским «Спартаком» ставший чемпионом СССР в 1953-м. Вернувшись в Грузию, он три сезона (в 1955-1957 годы) был напарником Маргания, который на семь лет его моложе: «Когда мысль о возвращении домой созрела окончательно, первое, что я сделал по приезду в Тбилиси, встретился с Вовой и спросил, не будет ли он возражать, если я приду в «Динамо». Я хотел, чтобы с первых же дней между

В конце жизни

Шарж Г. Пирцхалава

нами установились дружеские доверительные отношения, чтобы он, оставшийся... единственным претендентом на место в воротах, видел во мне не конкурента, а прежде всего напарника, товарища по общему делу. Я считал, что надо было с первых же дней совместной работы расставить все точки над «і». Очень меня обрадовали и ответ Вовы, и его расположение ко мне. Думаю, это содействовало не только нашим личным отношениям, но и микроклимату в коллективе. В игре моего молодого коллеги всегда подкупали отличная реакция и прыгучесть, позволявшие отражать труднейшие мячи, броски его были красивы и расчетливы, но никакой рисовки, никаких внешних эффектов, рассчитанных на публику. Так было все годы, что мы вместе были в «Динамо». Когда с ним произошла трагедия, меня уже не было ни в команде, ни в футболе».

А трагедия произошла в сентябре 1958-го, в год 30-летия Владимира. Его маленький «Москвич» застрял на трамвайных рельсах при переезде через улицу Калинина (ныне – Иванэ Джавахишвили). Разогнавшийся трамвай затормозить не успел... Вратарь №1 тбилисского «Динамо» стал первым в печальном списке своих одноклубников, погибших в автомобильных авариях: Шота Яманидзе, Автандил Гогоберидзе, Виталий Дараселия, Давид Кипиани, Тамаз Степаниа.

Тбилисское «Динамо» в 1951 г.

А вратарское достижение Маргания впечатляет и сегодня. За 179 игр в чемпионатах СССР, в 12 кубковых и 21 международной встрече в составе тбилисского «Динамо» он пропустил 279 мячей, то есть, в среднем, 1,25 мяча за матч. А теперь – показатели лучших вратарей последнего времени, зафиксированные лишь только в чемпионатах европейских стран: Джанлуиджи Буффон (Италия) – 0,816, Мануэль Нойер (ФРГ) – 0,818, Петр Чех (Чехия) – 0,855, Эдвин Ван дер Сар

(Нидерланды) – 0,886, Икер Касильяс (Испания) – 0,953. По среднему показателю за все свои игры Маргания вплотную приблизился к ним.

Ангел Благовещения

ШЕДЕВРЫ РИМСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

Изумительной красоты мраморная скульптура Мадонны с младенцем установлена в центре полузатемненного выставочного зала. Рука Девы заботливо покрывает благословляющую десницу Божественного Сына, в левой руке младенец держит шар, увенчанный крестом – «globus cruciger» (во времена средневековья «шар с крестом» был христианским символом власти, его изображение можно встретить на старинных монетах и иконах). Работа датируется XV веком, ее автором считается флорентийский скульптор Грегорио ди Ло-

ренцо (1436-1504). Изначально скульптура хранилась в частной коллекции во Флоренции. Позднее ее приобрел Джон Пирпонт Морган, американский финансист, основатель знаменитой династии Морганов. В XX веке работа вновь вернулась на родину и заняла достойное место в коллекции античных скульптур Фонда Дино и Эрнесты Сантарелли. Собрание насчитывает несколько десятков работ, отображающих этапы художественного и стилистического развития скульптуры от периода Римской республики до эпохи неоклассицизма. В хранилищах

фонда находятся произведения искусства, созданные от I века до н.э. до XVIII века, сделанные из разнообразных дорогостоящих материалов, которые использовали ваятели тех времен: мрамора, алебаstra, порфира. Здесь можно встретить скульптуры почти двухтысячелетней давности, портреты известных исторических персон и «про-

Эрнеста Сантарелли

стых» граждан Рима, изображения античных мифологических персонажей. Над одной и той же скульптурой могли работать мастера, творившие в разные века, например, статуя Бахуса, покровителя виноделия, сделана из торса, который ранее «принадлежал» Аполлону.

Вековые традиции коллекционирования

Семья Сантарелли продолжает тысячелетнюю традицию рим-

ских коллекционеров, представителей знатных фамилий, сыгравших важную роль в истории страны. Они собирали произведения искусства по всему миру, и эти частные коллекции позднее легли в основу многих известных музеев. Данная традиция приобрела популярность в эпоху Ренессанса, хотя берет начало еще со времен Римской империи, когда среди столичных аристократов укоренилось правило в своих апартаментах,

Бахус

Клеопатра VII

в соответствии с социальным статусом, выставлять скульптуры, которые, большей частью, являлись копиями греческих оригиналов.

Венецианский кардинал Пьетро Барбо, ставший позднее папой Павлом II, приобрел драгоценные камни, образцы ювелирного искусства, монеты, изделия из слоновой кости и древние скульптуры для величественного собора Сан Марко. Следующий папа, Сикст IV, также собирал дорогостоящие артефакты, в основном, изделия из бронзы. Владельцами особо изысканных предметов были флорентийские Медичи.

Периодом настоящего расцвета римских коллекций стал XVII век, когда папы с большой скоростью сменяли друг друга, и как бы соревнуясь между собой, строили сказочные резиденции, украшая их коллекциями древних и современных шедевров искусства. Папа Пало V Боргезе создал фамильную коллекцию, которая до сегодняшнего дня хранится в знаменитой художественной галерее Боргезе, расположенной в парке Вилла Боргезе в Риме. Григорио XV Лудовизи, Урбан VIII Барберини, Инноченцо X Памфили и Алессандро VII Кижди также имели свои коллекции, которые хранятся в исторических фамильных центрах столицы Италии и выставляются в ведущих музеях Европы.

Семья Сантарелли создала важнейшее собрание произ-

ведений искусства, о чем свидетельствует тот факт, что коллекция глиптов (резных цветных полудрагоценных камней) на постоянной основе выставлена в галереях Капитолийских музеев Рима. По словам президента Фонда Сантарелли, Паолы Сантарелли, коллекция семьи началась с нескольких артефактов, собранных ее бабушкой. Затем три поколения Сантарелли продолжили традицию, и сегодня собрание тесно связано с историей Рима – от периода Птолемеев до начала XIX века.

Клеопатра и Бахус

Ознакомимся с некоторыми экспонатами фонда.

Портрет Клеопатры VII датируется третьей четвертью I века до н.э., ее автором является скульптор эллинистической эпохи, скульптура сделана из мелкозернистого белого мрамора.

Голова Сераписа

Несмотря на некоторую идеализированность, изображение Клеопатры отличается натурализмом, что проявляется в выражении лица и бережно обработанных чертах, даже заметны морщины на шее царицы. Голова слегка повернута вправо, маленький рот, полные губы, миндалевидные, не совсем ассиметричные глаза и круглые щеки придают лицу характерное выражение. Уши проколоты для ношения металлических сережек.

Статуя Бахуса является работой римского скульптора, она датируется I веком н.э. с элементами, добавленными в XVII веке, скульптура сделана из мелкозернистого белого мрамора. Перед зрителем предстает молодой Бахус, который опирается на небольшую колонну, украшенную спиралевидными мотивами лозы, его правая нога

Жрица богини Весты

слегка согнута, в правой руке он держит гроздь винограда, в левой – пиалу с вином. Если внимательно рассмотреть статую, можно заметить, что она собрана из нескольких частей. Римской частью этой скульптуры является туловище, которое изначально, вероятно, принадлежало статуе Аполлона с идеализированными чертами лица и двумя локонами, свисающими на плечи.

Голова сатира в исполнении римского мастера датируется II веком н.э., она также изваяна из мелкозернистого белого мрамора. Этот бюст – образец редкого мастерства: овальная форма лица, улыбающиеся, полные губы, такие же полные щеки и впадинки в уголках рта придают ему особое выражение. Небольшие жизнерадостные глаза выглядывают из-под округленных бровей. Над широким лбом, у корней волос, вырастают два маленьких рога, на голове сатира – венки из шишек.

Мраморная скульптура «Ангел Благовещения» создана в первой половине XVI века мастером из Южной Италии, который работал в мастерской известных скульпторов и художников Гаджини. Данная работа была приобретена на антикварном рынке. Скульптура представляет Святого архангела Гавриила, преклонившего колени перед Девой Марией и возвещающего ей о Божественном материнстве. Фигура изображе-

Кардинал Марцио Джинетти

Дева Мария с младенцем

Голова сатира

на в три четверти – часть скульптуры ныне утеряна.

Очень изящная, миниатюрная статуэтка жрицы богини Весты сделана римскими скульпторами I-II в.в. и XVII в. с использованием зеленого алебастра и позолоченной бронзы. Женская фигура опирается на небольшую колонну. Она обла-

чена в длинный хитон, ее плечи покрывает гиматион (мантия у древних греков), а в левой руке женщина держит патуру (ритуальная пиала для вина). Эта деталь обусловила идентификацию фигуры с молодой жрицей, служащей культу Весты. Использование и техника обработки алебастра восходит к I или II веку н.э., известно, что этот египетский камень был завезен в Рим именно в это время.

Особой искусностью отличается женский торс с головой Диониса. Над скульптурой работали римские мастера II века н.э. и XVII века. В качестве материала были использованы порфир, античный красный мрамор, красная бречья, белый мрамор. Статуя представляет собой изваянное из порфира туловище женщины, на котором установлена мраморная голова мужчины. Этот дорогостоящий артефакт, вероятно, был создан в XVII веке в результате имитации другой скульптуры. Работа над статуей включала в себя реставрацию красного порфирового торса с изящно уложенными складками мантии, которая застегивается на плечах двумя круглыми фибулами. Одевание будто вьется на ветру, а круглые застегивки дают основание предполагать, что это торс богини победы Ники, поскольку она

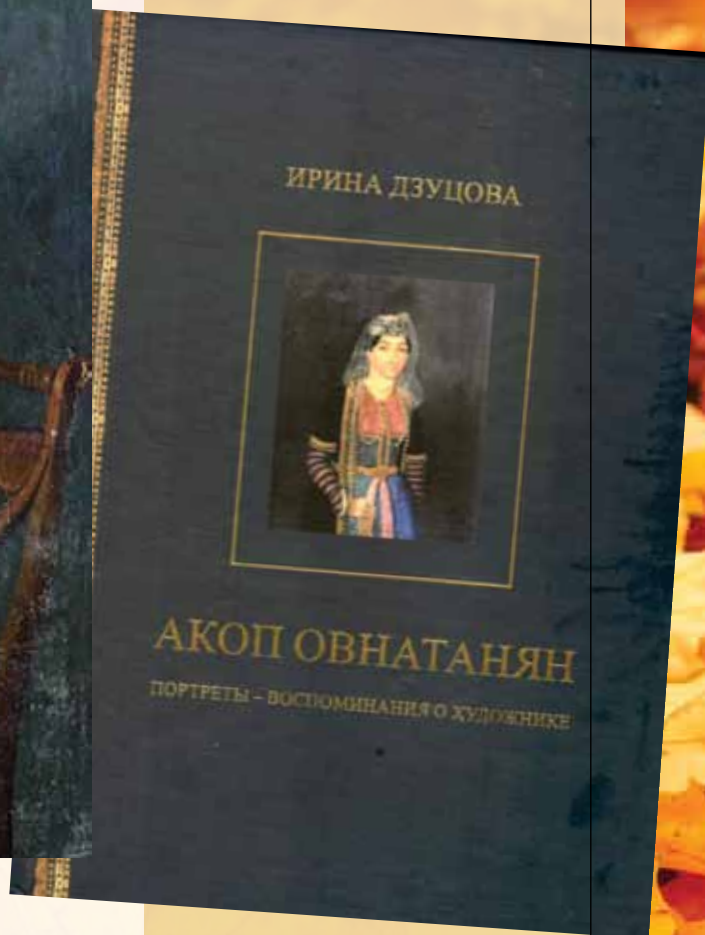
всегда изображается в виде летящей женщины с расправленными крыльями.

Бюст кардинала Марцио Джинетти работы Алессандро Рондони (ок.1644-1710) сделан из порфира и скульптурного мрамора. Работа датирована 1673 годом. Марцио Джинетти был назначен кардиналом папой Урбаном VIII в 1627 году. Известный портрет Урбана VIII Барберини, созданный Джованни Лоренцо Бернини, вероятно, вдохновил Рондони использовать в качестве материала для головы кардинала мрамор, а мантии – порфир. Изначально Рондони был приглашен семьей Джинетти с целью реставрации старинных скульптур и создания аллегорических изваяний, а позднее ему был заказан этот портрет кардинала.

К счастью, в свое время тбилисцам выпала удача увидеть эти и многие другие шедевры воочию – на выставке «Вечный Рим. Шедевры римской скульптуры из Фонда Дино и Эрнесты Сантарелли» в Национальной галерее им. Дмитрия Шеварднадзе. Экспозиция вызвала большой интерес у грузинских ценителей, и все два с половиной месяца, что проходила выставка, залы были полны посетителей.

Портрет Саломе Овнатанян, 1850-е.
Из коллекции Национальной галереи Армении

КНИГА О ХУДОЖНИКЕ

Имя искусствоведа, историка искусства Ирины Дзуцовой хорошо известно и в Грузии, и далеко за ее пределами. Видный специалист по изобразительному искусству Грузии XVIII-XXI веков, культурным и художественным связям Грузии с Арменией, Россией и Францией, она – участник многих международных симпозиумов и конференций, автор сотен публикаций, книг и монографий, посвященных Н. Пиросмани, С. Параджанову, Н. Склифосовскому, А. Бажбеук-Меликяну, русскоязычной поэзии Тифлиса 1910-1920 гг. и др.

Недавно вышла в свет новая книга Ирины Дзуцовой «Акоп Овнатанян. Портреты – воспоминания о художнике».

Акоп Овнатанян – родоначальник армянской светской живописи, основатель жанра армянского портрета. Он создал

новый пластический язык – условно-реалистическая манера в его портретах соединяется с утонченностью миниатюры. Художник при жизни познал большую славу. И был забыт тоже при жизни. Лишь в 20-е годы XX века удивительное творчество прекрасного мастера открыли заново и начали исследовать.

«О жизни и творчестве Акопа Овнатаняна, уроженца Тифлиса, написано немало статей и книг, – отмечает доктор искусствоведения Нана Шервашидзе. – Ирина Дзуцова обратилась к творческой биографии Акопа Овнатаняна с целью заполнить некоторые «пустоты», предложить более рельефный портрет этого сложного человека и проницательного живописца. За новыми сведениями она обратилась к потомкам А. Овнатаняна, а также иранским, грузинским, российским, американским и

европейским источникам, в Государственные архивы Грузии, России, Австрии и Германии. Эти новые доселе неизвестные факты и приведены в предлагаемой читателю книге, ставшей итогом упорных многолетних поисков документов, сопоставления и анализа информации».

«Этот труд написан с глубоко человеческим, трепетным отношением к творчеству моего предка, с большим интересом и любовью к нему и к галерее созданных им образов, – с благодарностью пишет Мара Сетханян-Мартин, праправнучка художника. – Мой прапрадед был первым армянским художником-портретистом современной эпохи. Он являлся во многих отношениях психологом и знатоком человеческой души и выразил это посредством своего рода одержимости лицами и тем, что эти лица «рассказывали» ему о внутреннем мире модели, ее мировоззрении, характере... Ирина мастерски преподносит работы художника, бережно и с уважением рассказывает по крупицам воссозданную канву его жизни и

Портрет А. Г. Чавчавадзе.
1843-1846 гг.

Портрет Е. Г. Нечволодовой.
1837-1840 гг.

блестяще раскрывает вклад Акопа Овнатаняна в искусство. Она также восстанавливает справедливость, «возвращая» Акопу Овнатаняну картины и акварели, ошибочно приписываемые другим художникам, и представляет их нам в новом свете, разъясняя, помимо художественного, и их историческое значение».

«Музейщик, дотошный, вдумчивый, увлеченный и настойчивый исследователь архивов, скрупулезно сопоставляющий факты и даты, знаток культуры Тифлиса XIX века Ирина Дзуцова, изучая творчество Акопа Овнатаняна, замечательного живописца, «грузинского Рафаэля», собрала и проанализировала в своем труде огромный и бесценный материал... Автор подробно описывает портрет и сопровождает его подробной биографической и источниковедческой справкой. «Нанизываемая», подобно бусинам ожерелья, одну биографию на другую и сообщая массу ценных, любопытных и малоизвестных фактов, не относящихся впрямую к творчеству Овнатаняна, автор одновременно открывает читателю новые грани тифлисской жизни, позволяет представить историю города «в лицах» и дает возможность еще раз ощутить его неповторимую атмосферу и культуру», – таково

авторитетное мнение старшего научного сотрудника Государственного музея Востока Светланы Хромченко.

«Акоп Овнатанян соединил в себе культурные и художественные традиции Армении, Грузии, Персии, России, но сохранил в своем творчестве абсолютную самобытность, – подчеркивает Галина Чурак, доктор искусствоведения, заведующая отделом живописи второй половины XIX-начала XX вв. Государственной Третьяковской галереи. – Его искусство пленяет ясностью художественного языка и внутренней гармонией, что выражены в чистоте рисунка, линии, соединении и соотношении цвета в одеяниях моделей художника. При полной простоте композиции портретов, даже условности ее, как завораживает каждое лицо, каждый образ, словно хранящий далекую тайну о себе и своем времени. Его портреты в своей простоте и одновременно емкости сравнимы с великими полотнами Лукаса Кранаха. Как никогда не выйдут из моды образы, созданные немецким мастером Северного Возрождения, так и портреты, исполненные Акопом Овнатаняном, всегда будут живым свидетельством его эпохи. Именно поэтому книга о художнике столь важна. Автор вводит читателя в этот таинственный

мир предстоящих перед нами на холстах людей, мир самого художника и, более того, погружает в давно ушедшее от нас время. И мы с благодарностью и неослабевающим интересом следим за ходом поисков и открытий автора».

«А. Овнатанян продолжает оставаться личностью загадочной и значительной в истории искусства XIX века, – пишет Ирина Дзуцова. – Природные данные, абсолютное внутреннее зрение, интуиция, и, конечно, талант, с которым он распо-

Посещение муллы. Миниатюра.
Конец 1870-х

рядился своим даром, посвятив жизнь беззаветному служению искусству, – удивляют и поражают. Через свое искусство он постигал окружающий мир и человека... Надеюсь, книга будет интересна не только профессионалам-искусствоведам, но и рядовому читателю, увлеченному историей живописи, творчеством А. Овнатаняна, которым может гордиться любой народ, любая страна. Искусство художника достойно постоянно-го внимания, и новые открытия, еще, несомненно, ждут будущих исследователей творчества мастера».

**10 февраля - день памяти Александра Сергеевича Пушкина.
Воспитанники Art Studio Gulnara в Пушкинском сквере на
Площади Свободы в Тбилиси.**

